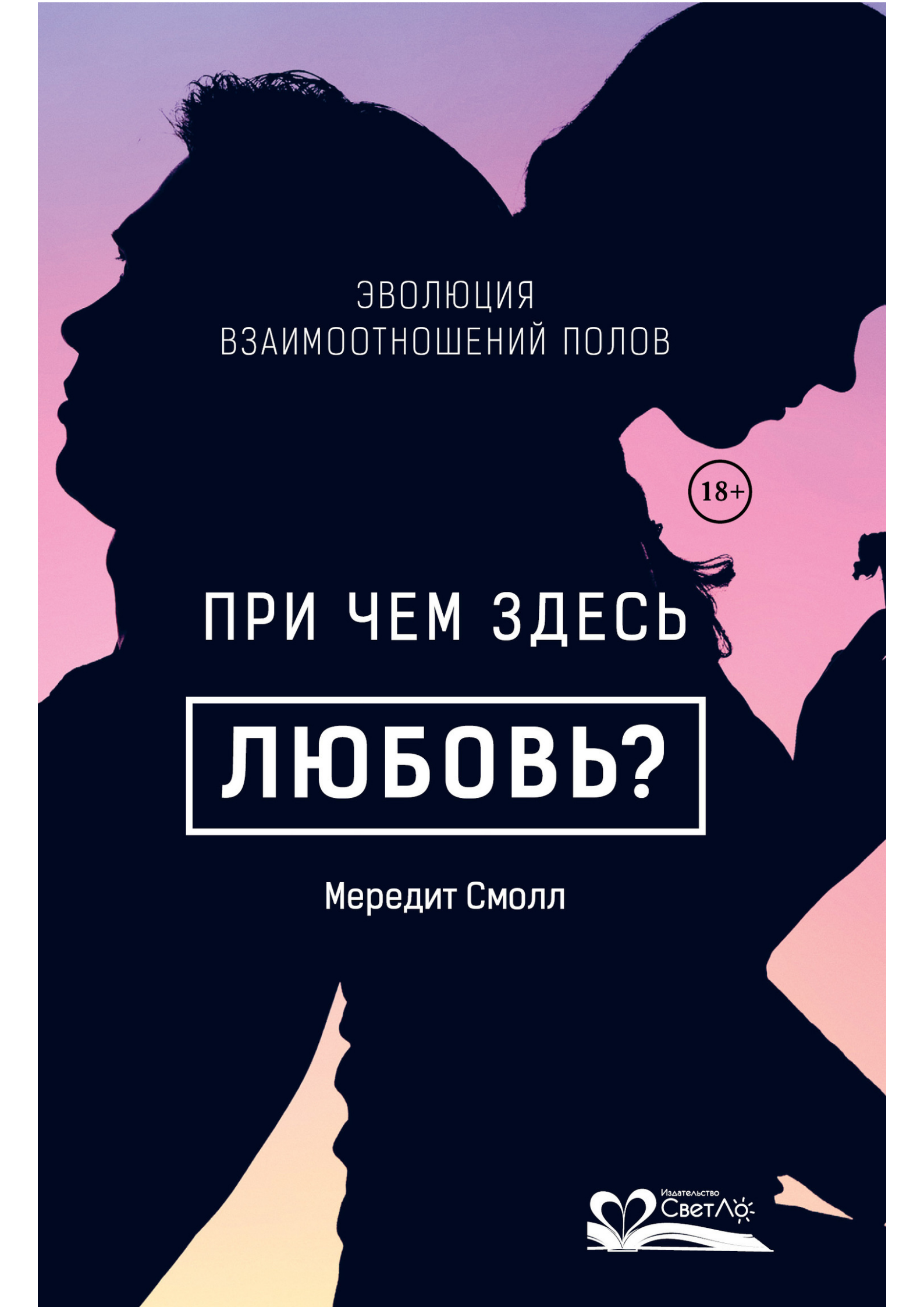




ЭВОЛЮЦИЯ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПОЛОВ

18+

ПРИ ЧЕМ ЗДЕСЬ

ЛЮБОВЬ?

Мерedit Смолл



Мерedit СМолл

При чем здесь любовь?

«СветЛо»

1995

Смолл М. Ф.

При чем здесь любовь? / М. Ф. Смолл — «СветЛо», 1995

ISBN 978-5-905392-33-7

Эта книга – о брачном поведении человека как биологического вида, или сексе. Нас всех привлекает этот предмет, и тем не менее у нас нет четкого представления о его происхождении. Каков биологический смысл того, что мы занимаемся сексом, хотя мы реже всего делаем это для продолжения рода? Почему мы вступаем в брак, хотя брак меньше всего гарантирует секс? Почему мы влюбляемся в определенных людей? Действительно ли мужчины думают о сексе чаще, чем женщины? Правда ли, что женщины бессознательно ищут состоятельных мужчин, способных материально обеспечить их потомство? В своем неординарном исследовании известный ученый-антрополог изучает множество вопросов, связанных с бесконечно загадочным процессом образования пар в человеческом обществе. Но поскольку наш вид мотивируется не только биологическими импульсами, автор рассматривает секс также и с точки зрения нашей культуры.

ISBN 978-5-905392-33-7

© Смолл М. Ф., 1995

© СветЛо, 1995

Содержание

Введение	6
Глава 1	13
Повседневный секс	13
Наши предки и мы	16
В начале	16
Ветвистое древо	18
Мы – не то, что мы делаем	19
Естественная биология человека	19
Чувство общности	19
Естественная эволюция брачного поведения человека	22
Эволюция моногамии	22
Человеческий детеныш, требующий пристальной заботы	23
Сдерживающая сила в человеческой паре	24
Внимание к женским особям	26
Когда моногамия таковой не является	28
Являются ли люди естественно моногамными?	29
Под покровом ночи	31
Приспособления для секса	33
Грудь как приманка	36
Мужское снаряжение	37
Сценарий для человеческого сексуального животного	39
Глава 2	41
Провокация	42
Меня заставили это сделать гены	42
Генетическая основа поведения	42
Выбирая секс	44
Размножение половым путем	45
Передавая гены	46
Сексуальное удовольствие	47
Биология вожделения	49
Половое влечение	49
Логика либидо	50
Сексуальные ощущения	51
Телесная горячка	54
Ураган в голове	54
Признаки возбуждения	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мередит Смолл

При чем здесь любовь

Эволюция взаимоотношений полов

Meredith F. Small

What's Love Got to Do with It?

The Evolution of Human Mating



© ИП Лошкарева С. С. (Издательство «СветЛo»), 2015, перевод, оформление

© Мередит Франческа Смолл, 1995. Все права сохранены, включая права на полное или частичное воспроизведение в любой форме.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в любых информационных системах, для частного и публичного использования без письменного разрешения издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой гражданскую, административную и уголовную ответственность.

* * *

Тиму, потому что любовь здесь действительно при чем

Современные мужчины и женщины одержимы сексом; это единственная оставшаяся многим из нас сфера, где мы можем прикоснуться к первобытному.

Эдвард Эбби

Введение

На прошлый День благодарения друзья пригласили меня к себе на праздничный обед. За столом я сидела рядом с другим гостем – терапевтом. Услышав, что я антрополог, он повернулся ко мне и вежливо осведомился об исследовании, которое я провожу. Я была в нерешительности: как ответить – промолчать ли о многолетнем изучении брачных игр обезьян и моем нынешнем исследовании овуляции у людей или же бросить темы моей работы на стол рядом с картофельным пюре и начинкой для индейки? Я решила, что мой сосед по застолью взрослый человек и, будучи врачом, наверняка знает о человеческой анатомии достаточно, чтобы не испытать неловкости из-за моего ответа. Поэтому я начала объяснять: «В настоящее время я работаю над вопросом овуляции – знают ли женщины и их партнеры-мужчины, когда происходит овуляция». Он положил вилку. Я знала, что он либо извинится и выйдет, либо повернется к соседу по другую руку, либо углубится в разговор со мной. Он выбрал последний вариант. «И что нам даст эта информация? Как это связано с антропологией?» – спросил он. Я пояснила, что некоторые антропологи утверждают, будто в отличие от многих других приматов, таких как шимпанзе, у которых есть большие розовые набухания, сигнализирующие о способности к воспроизведению, у женщин овуляция скрыта. Этот факт мог оказать значительное воздействие на эволюцию брачного поведения человека в последние несколько миллионов лет. Мужчина, озабоченный тем, чтобы стать отцом, должен был охранять свою партнершу все время, чтобы быть уверенным, что она не вступила в отношения и не зачала с кем-то другим. Это может быть одной из причин распространения парной модели взаимоотношений полов у человека. Или же женщина могла бы схитрить, заставив мужчину заняться сексом, когда она не была способна к воспроизведению, опустошая таким образом запасы сперматозоидов, которые могли бы быть использованы для оплодотворения других женщин. Мы продолжили разговор, рассуждая о возможной роли мужчин и женщин в формировании отношений полов, какими мы их знаем сегодня. Тем временем слово «овуляция» как будто проплыло вдоль обеденного стола, похлопало каждого из гостей по плечу и приземлилось на наполовину разделанную индейку. Внезапно я осознала, что все гости за столом замолчали. Все повернулись в мою сторону, слушая мой монолог о половом поведении наших человеческих предков. Мне показалось, единственное, что я могу сделать в этой ситуации, – открыть обсуждение этой темы.

«Вы знаете, когда у вас происходит овуляция?» – спросила я хозяйку дома. Она ответила: «Ну конечно же!» Каждая из присутствующих женщин ответила «да», или «нет», или что она об этом раньше особо не задумывалась. Одна молоденькая девушка не знала, что такое овуляция. Когда мы объяснили, она призналась, что чувствует в середине цикла что-то, что могло бы указывать на овуляцию. У меня не нашлось достаточно мужества, чтобы спросить присутствующих мужчин, знают ли они, когда у их партнерши происходит овуляция, но этот вопрос был у меня на языке. Как антрополога меня больше всего интересует эволюционный аспект данного вопроса, но мне также интересно, как это биологическое событие может тонко влиять на текущие отношения. Я очень хотела спросить сидящие за столом пары, влияла ли когда-нибудь каким-то образом осведомленность, что у женщины происходит овуляция, на их планы совершить половой акт. Использовали ли они знания об овуляции, чтобы избежать беременности или, наоборот, достичь ее? Могла ли я спросить такое в непринужденном разговоре за тыквенным пирогом? В тот момент этот выбор сделала за меня хозяйка дома, элегантно сменив тему разговора. Бросив быстрый взгляд на своего старшего сына, она сказала: «Если бы женщины действительно знали, когда у них происходит овуляция, кое-кто не сидел бы за этим столом».

События этого вечера показали мне две вещи. Во-первых, большинство людей не знают, как устроена их сексуальная биология. Наше понимание того, откуда берутся дети, связано

главным образом с методами контрацепции – и многие из нас не разбираются даже в этом. И секс, процесс, в результате которого появляются дети, является для нас столь же таинственным. Уверена, многие из присутствующих в тот вечер не смогли бы объяснить, почему им вообще хочется заниматься сексом. Во-вторых, этот случай еще раз подтвердил для меня, что всех завораживает тема секса и размножения. Например, просто произнеся слово «овуляция», я смогла перенаправить мысли 12 голодных гостей, которые должны были бы выбирать, какую часть индейки им хочется съесть, в русло биологии размножения. И у каждого нашлось что сказать. Интересно, какова была бы реакция, если бы я затронула тему оргазма?

Эта книга – о взаимоотношении полов в человеческом обществе или сексе, потому что нас всех привлекает этот предмет, и тем не менее у нас нет четкого представления о его происхождении. По определению, эта книга также затрагивает процесс воспроизведения человека, потому что дети это и есть биологическое последствие секса человека, как это происходит у всех видов, размножающихся половым путем. Но, поскольку наш вид мотивируется не только биологическими импульсами, я должна рассмотреть секс и с точки зрения нашей культуры.

Странно, что мы многое знаем об окружающем нас мире и так мало о нашей сексуальности и биологии размножения. Как мы можем существовать как биологический вид, выбирать партнера на всю жизнь, принимать важные решения о том, чтобы завести детей или быть разумными взрослыми, если мы не понимаем основ нашей сексуальной биологии? Познать самих себя с сексуальной точки зрения – кажется, это значит постичь одно из самых интригующих чувств в жизни – стремление спариваться. Еще более странным кажется тот факт, что в нашей культуре мы пытаемся замаять тему, которую едва понимаем. В западном обществе секс попадает в поле нашего зрения на каждом шагу – фотографии молодых парней в нижнем белье, занимающие несколько страниц журнала; длинноногие модели, возлежащие на капотах блестящих новеньких автомобилей, соблазняющие нас тратить с трудом заработанное; сексуально откровенные журналы на прилавках, привлекающие наше внимание; комиксы, всегда способные вызвать смех зрителей непристойной фразочкой; сценарии сериалов, где диалоги героев приправлены сексуальными намеками, чтобы не дать нам сбежать от экрана к холодильнику. Наши современные средства информации, по утверждению некоторых, отождествляются с сексом. В каком-то смысле средства массовой информации лишь пользуются замешательством, которое вызывает сексуальность в нашей культуре и повседневной жизни.

Думаю, что одна из основных причин, почему нас цепляют пикантные истории и откровенные изображения, это то, что мы, осознанно или неосознанно, используем их для оценки самих себя. Фотографии, рассказы и заголовки – это средства оценки для решения важного вопроса – нормален ли я? В этом плане средства массовой информации оказались более полезны, чем это предполагалось. Наши сексуальные мысли и действия настолько интимны и так редко обсуждаются на публике, что, когда поп-культура выставляет сексуальность на всеобщее обозрение в журналах и на телеэкранах, мы не можем не сравнивать свою жизнь с этими картинками. В нашей (американской) культуре, с ее ханжеским викторианским наследием, для обсуждения сексуальности не так уж много возможностей, нас вводит в транс необходимость говорить об этом открыто даже с близкими друзьями. В результате создается замешательство. Где-то в подсознании, там же, где возникают эти сексуальные мысли, мы понимаем, что сексуальность – это всего лишь часть жизни, такая же, как употребление пищи и дыхание. Но в то же время наша культура говорит нам, что все связанное с сексом имеет оттенок чего-то запретного. Мы признаем, что нормальные здоровые люди занимаются сексом, но кажется, что либо они не должны получать от этого удовольствия, либо, если же получают, они должны хотя бы испытывать по этому поводу чувство вины.

Противоречивое отношение американцев к сексу делает его трудным предметом для серьезного изучения. Когда я говорю кому-то, что пишу книгу об эволюции человеческой сексуальности, я выслушиваю самые разные комментарии. Некоторым становится очень неловко,

и они быстро меняют тему. Другим интересно все, что мне удалось открыть, но они задают вопросы с ухмылкой и сальным взглядом. Одна из подруг даже рассказала мне длинные истории своих сексуальных похождения в надежде попасть в книгу. Признавать и обсуждать секс в разумном ключе нам сложнее, чем любую другую человеческую деятельность, потому что мы на самом деле не знаем точно, какое место в нашей жизни занимает секс. Секс – это личная тайна, и в нашей культуре неведомые силы устроили заговор, чтобы он таковой и оставался, что только усиливает ощущение таинственности. Но возможно находиться в ладу с собственной сексуальностью, занять здоровую позицию по поводу этого нашего фундаментального поведения. Я думаю, мы должны поместить нашу сексуальность в подходящий контекст помимо того контекста, в который помещает его поп-культура.

В этой книге я намереваюсь рассмотреть секс с научной точки зрения. Я иду по следам многих других ученых и популяризаторов, изучавших секс до меня. Альфред Кинси и его коллеги были первыми, кто провел первое масштабное исследование американских сексуальных практик и отношения к сексу в 40-е годы XX века¹. Хотя сегодня многие высказывают критику в адрес их трудов, эти исследования остаются наиболее надежной шкалой сексуальности человека. В 1960-х Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон начали детальное изучение физиологии сексуальных реакций человека². Их последователи сделали их методы более точными или развили их идеи, но работа Мастерса и Джонсон остается наилучшим описанием того, как человеческое тело реагирует на сексуальные стимулы. Позднее Шир Хайт позволила мужчинам и женщинам написать о своей сексуальности, не ограничивая их научными обозрениями, опросниками или анкетами. В ее книгах «Отчет Хайт» и «Отчет Хайт о мужчинах»³ звучат неестественные голоса, рассказывающие о месте секса в повседневной жизни. Несколько исследований, среди которых особенно заслуживают внимания «Отчет Янусов»⁴ и «Секс в Америке»⁵, задокументировали современные американские практики и отношение к сексу в попытке отследить так называемую «сексуальную революцию» и влияние СПИДа (синдрома приобретенного иммунодефицита) на секс в Америке.

Но многое все еще остается неизученным, а наше человечество, кажется, бежит от этого немаловажного знания, вместо того чтобы искать ответы. Мы так мало знаем о сексуальности, потому что подход нашего общества к этой теме очень ограничен. Мы часто останавливаемся в поисках ответов на самые основные вопросы о сексе, как, например, почему нас так интересует сексуальная жизнь других людей или почему мы спешим судить о том, что нормально или ненормально в сексе. Как если бы в вопросах секса нам было достаточно поверхностных ответов. Я считаю, что достичь понимания физиологической реакции, которую описали Мастерс и Джонсон, или разработать шкалы оценки, как это сделали Кинси и Янусы, недостаточно. Поэтому книга «При чем здесь любовь?» – это попытка вывести исследование секса из чулана, снять его с академического пьедестала и вписать его в один ряд с другими схемами поведения, составляющими многообразие человеческой жизни. В конце концов, половой акт и стремление к сексуальному удовлетворению – это универсальные черты нашего вида и часть нашего животного существа, которая вместе с остальной нашей природой и позволила нашим предкам выживать на протяжении миллионов лет.

Но что же представляет собой человеческая природа? И, что более важно в контексте данной книги, как эволюционировала наша сексуальная природа? Существуют уникальные черты человеческой анатомии и психики, образующие каждого индивида нашего вида. Прежде

¹ Kinsey et al. 1948; Kinsey et al. 1953.

² Masters and Johnson 1966.

³ Hite 1976.

⁴ Janus and Janus 1993.

⁵ Michael et al. 1994.

всего, мы знаем, что мы относимся к приматам, отряду, включающему в себя лемуров, обезьян, человекообразных обезьян и людей. Как приматы, мы являемся потомками небольших млекопитающих, обитавших на деревьях, и большинство отличительных черт нашей анатомии перекликаются с нашим наследием древесных обитателей. Например, как у всех приматов, у нас прекрасное зрение, чтобы прыгать с дерева на дерево, и очень гибкие руки, чтобы хвататься за ветви. Изучение других приматов на самом деле может быть весьма познавательным, особенно когда речь заходит об основных образцах нашего поведения. Поскольку мы близкие родственники, то, что делают они, и то, как они себя ведут, часто перекликается с тем, что делаем и как ведем себя мы, и наоборот. На самом общем уровне поведения все приматы, включая людей, очень социальные животные. Мы живем в группах различного размера и, по определению, должны взаимодействовать с нашими соратниками через соперничество и сотрудничество. Мы ссоримся и затем миримся, мы заводим дружбу и развиваем преданность, формируем альянсы и встаем на чью-то сторону. Кроме того, приматы демонстрируют чрезвычайную озабоченность родством; принятие пищи, защита и социализация чаще всего происходят между родственниками. Детеныши всех видов приматов очень зависимы и требуют усиленной заботы. Широкое разнообразие систем половых отношений в различных человеческих культурах можно встретить также и среди наших родственников-приматов. Другими словами, мы можем использовать наши знания о других приматах, чтобы ответить на вопросы об эволюции нашего собственного поведения. Эта информация поможет определить, какие черты и виды поведения присущи исключительно человеку, а какие являются частью основного чертежа, по которому созданы и мы, и наши сородичи-приматы. Моя цель – изучить людей в широком зоологическом контексте, как животных, в особенности как приматов. Я часто обращаюсь к этому контексту в обсуждении биологической основы сексуального поведения человека.

В то же время так же важно рассмотреть человека, стоящего отдельно от других видов. Мы разумные животные, пытающиеся понять самих себя, и до сих пор не ясно, обладает ли какое-либо животное такой же степенью осознанности. Мы развили сложную систему социального взаимодействия, называемую культурой, которая служит посредником нашей биологической природы. Это одновременно является и преимуществом, и проклятием. Мы можем решать, следовать ли нашим биологическим позывам, не позволяя внутренним голосам взять верх. В то же время мы забываем о гибкости этой культурной оболочки. Мы ставим знак равенства между нашим личным поведением, или тем, что продиктовано нашей культурой, и тем, что представляют собой люди, или какими они должны быть, игнорируя разнообразие человеческого опыта и поведения. Путешествие в другую страну иногда кажется настолько экзотическим, потому что мы сталкиваемся с привычками человеческого общения, которые не «вписываются» в наше представление о поведении человека. Например, в Индонезии мужчины держатся за руки с мужчинами, а женщины с женщинами, но вы никогда не увидите на публике физического выражения привязанности между мужчиной и женщиной. Поначалу западным людям неловко наблюдать, как однополые друзья держатся за руки или обнимаются, потому что в нашей культуре такая степень физического контакта означает гомосексуальность пары. Но ясно, что существует множество способов выражения нежности и наши западные традиции – лишь одни из многих. Проблема заключается в том, что часто эти личностно или культурно обусловленные шоры мешают нам интегрировать традиции других культур в общую картину человеческого поведения. Чтобы учесть это, важно изучить и признать обычаи, принятые в других культурах. Эта более глобальная точка зрения особенно важна при обращении к основам полового поведения человека. То, что является обычно «нормальной» сексуальностью, может очень сильно варьироваться, преломляясь через призму других культур.

В книге «При чем здесь любовь?» я рассматриваю культурную часть полового поведения человека прежде всего и в основном с точки зрения западной культуры. Это культура, в которой я выросла и которую лучше всего знаю. Но я включаю, где это возможно, сравнения и с

другими культурами. Десмонд Моррис в своей революционной книге о человеческом животном «Голая обезьяна»⁶ очень точно показал, что сравнения с изолированными небольшими культурами не очень-то полезны в понимании общей картины человеческой природы. Такие «вымирающие» культуры являются неудачниками генетического фонда человека, утверждает Моррис. По его мнению, мы должны обратиться к более успешным культурам, чтобы увидеть, какого результата достигла основная часть человеческой природы. В каком-то смысле я с этим соглашусь, но я также думаю, что изолированные или маргинальные культуры помогают нам понять гибкость человеческой сексуальности. Поэтому я включила в книгу примеры того, как другие народы выражают свои сексуальные позывы, если это дополняет тему. Эта гибкость в сексуальных практиках, конечно, является одним из самых интересных аспектов человеческого вида. Обращаясь к другим культурам, мы расширяем поле для сравнения с другими представителями своего вида. Мы находим универсальные черты нашей сексуальности – озабоченность сексом, получением оргазма, поиском нескольких партнеров, как находим и отличия. Например, в большинстве западных культур гомосексуальный половой акт у мужчин считается ненормальным или даже отвратительным. И тем не менее во многих племенах других стран молодые люди должны в том или ином виде вступить в отношения, которые мы бы назвали гомосексуальными, прежде чем они полностью вступят в жизненный цикл зрелости. Если рассматривать это с точки зрения гибкости сексуального поведения мужчин, ни положительное, ни отрицательное отношение к мужской гомосексуальности не представляется правильным или неправильным с моральной точки зрения – приемлемость этого акта определяется культурным контекстом. Кроме того, другие культуры дают нам знания о месте секса в жизни общества. В некоторых группах женщинам разрешается вступать во внебрачные отношения, тогда как в других женщин изолируют от заинтересованных мужских глаз. Баланс сил мужчин и женщин часто определяет то, кто контролирует сексуальность той или иной культуры. Например, поколения западных женщин выросли под влиянием мужской викторианской этики, утверждающей, что женщины не получают от секса такого удовольствия, как мужчины. Женщинам пришлось пережить сексуальную революцию в 70-х годах XX века, чтобы понять, что же такое женская сексуальность. Это только один из известных примеров того, как тип общества влияет на то, как мы воспринимаем нашу сексуальную жизнь. И очень важно, чтобы мы смогли отместить эти культурные наслоения и увидеть общую сексуальную природу, лежащую в основе этих ограничений общества. В этом смысле мы являемся культурными личностями, ищущими внутри себя биологическое животное.

Чтобы понять, что заставляет нас действовать как сексуальные животные, мне придется начать сначала, около 3,5 миллиона лет назад, когда первые человекообразные существа появились в Африке. Глава первая фокусируется на эволюции человеческой сексуальности на протяжении переходных периодов длиной в миллионы лет. Как мы можем понять сексуальное поведение человека, не зная истории его эволюции? В конце концов, привычки нашего брачного поведения эволюционировали со временем, и их стойкость объясняется эволюционными причинами. На протяжении предшествующих поколений люди противоположного пола сформировали некую неуловимую связь, которая обеспечивает зависимого детеныша человека безопасной и питающей средой. Но парные, или так называемые «моногамные» отношения между мужчинами и женщинами это в лучшем случае шаткий временный компромисс. История эволюции показывает, что моногамная система – это сравнительно недавнее изобретение, которое последовательно нарушается и, как показывает наше современное поведение, вообще может оказаться несостоятельным.

Глава вторая переносит нас в настоящее время, и это очень сексуальное время. Люди отделили секс от размножения и используют сексуальность по совершенно различным причи-

⁶ Morris 1967.

нам. Стремление к сексу можно определить на самом базовом уровне – как средство передачи генетического материала. Но если смотреть глубже, в том, как это стремление выражается, используется и воплощается, в большой степени замешана биология. У наших тел есть ряд механических реакций на сексуальные намеки. В этой главе прослеживается путь сексуального влечения от психологического импульса до пика, заставляющего сердца биться чаще.

Половой акт и то, что под ним подразумевается для разных полов, исследуется дальше в главах 3 и 4, где я рассматриваю сперва женщин, а затем мужчин. Моей целью не является описать физиологию мужчин и женщин. Меня интересуют старые убеждения о нашей сексуальности и то, как эти убеждения меняются под влиянием науки. Мужчины мотивированы к сексу не больше, чем женщины. При должной стимуляции женщины могут достичь оргазма так же быстро, как и мужчины. Менструация может и не быть «проклятием», а сперматозоиды живут своей жизнью. То, что мы знаем о нашей сексуальности сегодня, отличается от того, что мы знали даже 20 лет назад. Сегодня женщины в западной культуре более свободны с сексуальной точки зрения, у нас больше знаний о том, как работает женская репродуктивная система. Мужчины тоже пережили своего рода освобождение. Теперь мы знаем, что не все мужчины стремятся к сексу на каждом шагу; в их импульсах есть гибкость, а в их реакциях – вариативность.

Мужской и женский пол снова объединяются в главе пятой, потому что наше биологическое наследие заставляет многих – но, конечно же, не всех – найти подходящего партнера и мириться с ним или с ней достаточно долго, чтобы зачать отпрыска. И это должно быть сделано в рамках определенной сложной семейной системы, социальной группы, экономической и политической системы и культуры. В главе пятой я обращаюсь к множеству исследований, появившихся в последнее время, посвященных выбору полового партнера, проведенных в основном психологами и социобиологами. Эти труды выразительно демонстрируют, что мы выбираем партнеров не случайно – и конечно, не всегда делаем наилучший выбор.

Никакая современная книга по сексуальности человека не будет законченной без обсуждения гомосексуальности. Что это – выбор стиля жизни? Биологическая необходимость? Психологическое отклонение? В главе шестой я рассматриваю, какой вклад внесла наука в политизацию гомосексуальности. Поскольку гомосексуальность является универсальной чертой нашего вида, пора признать ее частью человеческой природы.

В отрыве от гормонов и генов, ведущих большинство животных к размножению, наше сексуальное поведение расцвело многообразием проявлений. Чаще всего наш половой акт не имеет ничего общего с размножением. И мы как никто смогли расширить категорию «секс», превратив ее во что-то более многообразное и разностороннее, нежели у большинства других животных. Мы произошли от двуногих обезьян, обитающих в саваннах, а теперь работаем на заводах или за компьютерами. Мы больше не собираем еду, а ходим за покупками в удобные супермаркеты или едим то, что предлагает нам фаст-фуд. Мы все еще иногда используем секс в качестве средства размножения, но наша сексуальная жизнь также претерпела некоторые трансформации. Дети могут быть зачаты в пробирке, сперму можно получить от анонимных доноров, а у женщины есть возможность зачать, даже если у нее началась менопауза. Также не вызывает сомнения, что ВИЧ – чума, передающаяся половым путем, – имеет огромное влияние на то, как люди ведут половую жизнь. Над каждой постелью теперь нависает угроза возможной болезни и смерти. Это новое влияние, биологическое по происхождению и культурное по распространению, которое нужно учитывать в поисках сексуальной природы человеческих существ. Существуют менее серьезные культурные изменения, которые могли бы оказать влияние на дальнейшее развитие схем нашего полового поведения: сайты знакомств, секс по телефону и онлайн. Эти влияния, вместе взятые, позволяют предположить, что взаимоотношения полов у наших потомков могут в значительной степени отличаться от секса наших предков.

В последней главе книги предложен взгляд в будущее человеческой сексуальности, каким оно видится на сегодняшний день.

Глава 1

Сексуальное животное

Повседневный секс

Мой самый любимый в мире район красных фонарей расположился на набережной Аудзейдс Фоорбургвальд по обе стороны старинного канала в Амстердаме. Первый раз я попала туда в возрасте 23 лет как обычная туристка, путешествующая по Европе с рюкзаком за спиной. Мы с моим попутчиком направлялись в хостел и остановились возле витрины секс-шопа. Мы стояли там несколько минут, показывая на различные предметы и пытаюсь понять, что с ними вообще можно делать. Мы отлично провели время. С тех пор в любом иностранном городе я намеренно направляюсь в район красных фонарей днем; вид так называемого «нутра города» добавляет в моей памяти некий колорит и контраст к более рафинированным местам, таким как музеи и церкви.

Амстердам – мой любимый, потому что, прогуливаясь по улице вдоль канала утром или вечером, я всегда чувствую, что отправилась на приятную прогулку по очаровательному району Старого Света, а не по центру сексуальных товаров и услуг. Конечно, там есть обычные бары с неоновыми надписями, анонсирующими меню сексуальных удовольствий, составленными на односложном международном языке секса: «Вживую», «Жесткий», «Обнаженные», «Девочки! Девочки! Девочки!», и стандартные вывески с фотографиями обнаженных женщин с невероятно огромными грудями и соблазнительными пухлыми губками. Но, как и в остальных городах Голландии, улочки идеально чистые. Окна блестят, как будто их моют два раза в день, на них кружевные занавески, напоминающие полотна Вермеера. И, как ни странно, там нет женщин, вальяжно стоящих в дверях, нет манящих жестов или непристойных приглашений к нескольким минутам секса в подходящем закутке. Вместо этого проститутки сидят у огромных окон первого этажа, разговаривают между собой, вяжут или рассматривают в окно проходящие толпы туристов. Конечно, на них обычная униформа представительниц их профессии – микроскопические шорты, сапоги, слишком маленькие лифчики, у них длинные волосы, и они выглядят таким же скучающими, как проститутки Парижа, Нью-Йорка или Бангкока, где мне также приходилось бывать. Но это место выглядит более непринужденно, по-домашнему, как будто женщины просто сидят на крыльце собственного дома и ждут, не случится ли на улице чего-то интересного. Уличная толпа здесь тоже другая. В большинстве своем это мужчины, но присутствует и большой контингент женщин всех возрастов, рассматривающих витрины магазинов или просто гуляющих. Иногда по улице прогуливаются и семьи, частенько останавливаясь, чтобы поглазеть на витрины. Они показывают на выставленные на продажу товары – гигантские фаллоимитаторы, откровенные видео или объекты, назначение которых могут определить только те, у кого есть вкус к тому, для чего служат эти хитроумные штуковины. Дети показывают на них пальцем, а родители смеются, как будто они смотрят на витрину магазина шуточных товаров, а не странных приспособлений для секса. Естественно, в этом районе есть подводные течения – наркотики и эксплуатация, но на поверхности все прилично и пристойно, даже дружелюбно. Мне нравится чувство, что здесь приемлемо не только быть проституткой, но и быть наивным туристом, рассматривающим сексуальные товары, выставленные на продажу. Другие районы красных фонарей более зловещи. В Бангкоке, например, я никогда бы не осмелилась появиться на улицах Пэтпонга в одиночку. В мелькающих огнях и громкой музыке есть что-то угрожающее. Прекрасные размалеванные азиатки, приглашающие прохожих зайти в клуб, выглядят загнанными и жалкими. Таймс Сквер в Нью-Йорке также выглядит

довольно пугающе, не только потому что сексуальность здесь более грубая, но и потому, что атмосфера насилия Нью-Йорка здесь ближе к поверхности. Никто не знает, хочет мужчина или женщина в леопардовом трико продать вам сексуальные удовольствия или ограбить вас. Но даже у этих районов есть нечто общее с более близким мне по духу районом Амстердама, – это то сообщество, которое влечет меня в районы красных фонарей любого города, чтобы получить о нем более объективное впечатление. Под неоновыми огнями, музыкой, прямо рядом с женщиной на 10-сантиметровых шпильках течет обычная городская жизнь. Эти места, предназначенные для удовольствий с их преувеличенными знаками сексуальности, – такие же районы города. Секс – не единственный ходовой товар и не единственное занятие в районе красных фонарей. Вдоль большинства улиц расположены кафе и бары, где уставшие от походов по секс-шопам и другие туристы могут перекусить или что-нибудь выпить. Кроме того, не все приходят сюда, чтобы купить секс. Некоторые люди живут в этом районе; кто-то просто проходит мимо по пути на работу или с работы, не видя причин обходить этот район стороной из-за бизнеса, который здесь ведется. Таймс Сквер в Нью-Йорке, например, – это район секса, театров, торговых центров и туристическая Мекка. Купить газету, сэндвич или воспользоваться услугами прачечной в районе красных фонарей так же просто, как и в любом другом районе города. Присмотритесь, и вы заметите людей в квартирах, находящихся над секс-шопами, людей, встающих каждое утро и отправляющихся на свою более традиционную работу, возвращающихся вечером домой, смотрящих телевизор и выращивающих детей. Возможно, секс здесь наиболее заметный товар, но обычная городская жизнь здесь тоже идет своим ходом.



Во многих городах коммерческая сторона секса передана определенному району, но эти районы также являются и частью города, где живут и работают обычные люди (фото Д. Хэтч)

В этом смысле место секса в районах красных фонарей дублирует место секса в нашей культуре. В обоих случаях секс – это часть большого сложного комплекса жизни, и в обоих случаях секс – это отдельный мир. Реклама делает на нем акцент и гипертрофирует его, некоторые политические и религиозные группировки его подавляют. Мы как отдельные личности тоже занимаемся подобной сегрегацией, когда относимся к сексу как к чему-то оторванному от

остального нашего поведения. Никакое другое нормальное человеческое поведение не является объектом такого пристального изучения и удовольствия. На самом деле я считаю, что некоторые города гораздо лучше интегрировали районы красных фонарей в свои туристические маршруты, чем многие люди смогли интегрировать сексуальность в свою личность.

Сложность с сексом состоит в том, что мы часто ведем себя так, как будто люди отличаются от животных, как будто наша сексуальность эволюционировала только для нашего удовольствия, а не является биологическим способом воспроизведения себе подобных. Мы отделили секс от размножения и превратили его в одну из ловушек культуры. Поскольку мы способны к изощренному сексу, минуя его функцию размножения, мы, кажется, забыли, кем мы являемся в качестве сексуальных животных. В результате секс стал чем-то отдельным от нас самих или нашей биологии, какой-то отдельной, не полностью человеческой чертой. Мы смотрим со стороны на картинки в секс-журналах или половые акты в кино и воспринимаем их не в качестве схемы поведения, эволюционировавшей как часть нашей природы, а как что-то, что должно быть скрыто, о чем нужно говорить шепотом и чего, возможно, следует стыдиться. Сексуальность окружает нас, но нам не всегда легко дается понимание того, что она является нашей частью. И тем не менее под всеми свадебными ритуалами, за популярными песнями о любви и романтике, где-то за секс-шопами и откровенными журналами прячется сидящее внутри нас сексуальное животное. Это существо эволюционировало на протяжении 40 миллионов лет и лишь недавно, 100 000 лет назад, пришло к тому, что мы называем «культурой». Я предлагаю оставить позади районы красных фонарей, выбросить рекламу с завлекательными обнаженными женщинами, счистить все эти культурные слои или обратиться к нашему прошлому в поисках ключей к нашей сексуальности. Только в историческом и эволюционном контексте мы можем подойти к пониманию сексуальности и к тому, чтобы найти правильное место секса в нашей жизни.

Наши предки и мы

Мы – удачливый вид. Мы не только достаточно умны, чтобы размышлять о прошлом, но и достаточно развили некоторые средства, которые помогают нам изучать свое происхождение. Тот же мозг, который заставляет нас задаваться вопросом: «Откуда мы произошли?» – имеет возможность отобрать кусочки нашего загадочного прошлого, а затем воссоединить их в логичный сценарий эволюции человека. Эта история не высечена в камне; это тоже все время эволюционирующая история изменений, меняющаяся по мере того как ученые находят всё новые кусочки головоломки. Например, всего 20 лет назад антропологи верили, что человек произошел от единого обезьяноподобного предка, последовательно прошедшего различные стадии развития. Сегодня, после открытия большого числа дочеловеческих ископаемых, мы знаем, что человеческий род был лишь одной из многих человекообразных форм, обитавших в Африке миллион лет назад. Наша история не является результатом прямого происхождения от кого бы то ни было, она лишь одна из многих ветвей дерева, на котором у нас много близких, но не вымерших, родственников.

В начале

Эпоха миоцен, начавшаяся 25 миллионов лет назад, была временем глобального похолодания. Хотя леса покрывали в то время большую поверхность земли, они начали медленно отступать, заменяясь пастбищами саванн⁷. Давайте сосредоточимся только на приматах, нашем отряде: в Африке и Азии существовало несколько типов полуобезьян и множество видов обезьян – созданий, в итоге эволюционировавших в приблизительно 70 видов обезьян, существующих сегодня. Эпоха миоцен была также эпохой процветания человекообразных обезьян. Сегодня на земле существует только 4 вида человекообразных обезьян – шимпанзе, гориллы, гиббоны и орангутанги, все очень подверженные вымиранию. Но в миоцен в Азии, Африке и Европе обитало по крайней мере 20 видов человекообразных⁸. Одна из ветвей этих человекообразных обезьян положила начало человеческому роду.

Между 14 и 8 миллионами лет назад, в миоцен – эпоху исчезновения лесов – у людей был общий предок с теми, кого мы сегодня знаем как шимпанзе⁹. Это не значит, что мы являемся потомками шимпанзе – это не так. Но давным-давно один вид, существовавший в эпоху миоцен, разделился на две отдельные линии. Одна из линий в итоге разделилась еще на две – обычных шимпанзе и их подвид – бонобо (карликовый шимпанзе), а другая линия в итоге эволюционировала в *Homo sapiens* – наш вид. Палеонтологи не могут с уверенностью сказать, что произошло при отделении человека от обезьяны. Существуют только частички и кусочки ископаемых древностью от 14 до 4 миллионов лет, и они не говорят нам практически ничего о том, почему одна из линий человекообразных обезьян отделилась в процессе эволюции от других¹⁰. Ученые знают только, что 3,5 миллиона лет назад в Африке обитало совершенно определенное существо, обладающее признаками человеческого. Этот вид, типированный по ископаемым останкам как «Люси», был обнаружен в Эфиопии в 1976 году и называется *Australopithecus afarensis*. Эти создания были довольно маленького роста: женские особи были высотой 1,07 метра, а мужские, возможно, 1,5 метра. У них были вполне человеческие зубы, хотя у мно-

⁷ Foley 1987.

⁸ Fleagle 1988.

⁹ Fleagle 1988.

¹⁰ Недавно был открыт и назван новый вид, *Australopithecus ramidus*, датированный 4,4 миллиона лет назад (White 1994). Более полные исследования этого нового вида должны вскоре дать нам ключи к этому периоду.

гих сохранились довольно большие обезьяньи клыки. Интересно, что кости рук и ног у них были изогнутой формы, что говорило о том, что они проводили часть времени на деревьях или что лазанье по деревьям совсем недавно было неотъемлемой частью их жизни. Люси и ее современники имели приблизительно такой же объем черепа, как и их человекообразные предки – примерно такого же размера, как и у современных шимпанзе, – 400 см³. Учитывая размер их тела, это все же довольно большой мозг, если сравнивать с другими млекопитающими, но он не сравнится с размером мозга современного человека, составляющего приблизительно 1200 см³. Определяющим для отнесения *afarensis* к человекообразным является их способ передвижения. Впервые за историю ископаемых млекопитающее передвигалось на двух ногах. Это можно понять по форме таза Люси: он короткий и широкий, предназначенный для поддержания массивных ягодичных мышц, так же как и таз современного человека, в отличие от длинного и узкого таза шимпанзе. Более того, их коленные суставы были достаточно развиты, чтобы выдерживать вес прямоходящего существа. Но *afarensis* оставили еще одну более очевидную улику своего пешего образа жизни – большое количество следов ног, оставленных в Танзании более трех миллионов лет назад, явно указывающих на виляющую походку существа, привыкшего передвигаться на двух ногах.

Неизвестно, что заставило эти существа встать на две ноги. Сперва антропологи предполагали, что передвижение на двух ногах было важно, чтобы освободить руки, для того чтобы переносить что-то, например инструменты, детей или еду¹¹. Сегодня многие антропологи подходят к вопросу нашего перехода к передвижению на двух ногах так же, как они подходят к любому крупному изменению в истории видов: они ищут причину, по которой естественный отбор мог заставить индивидов изменить свои привычки. С этой точки зрения, должно было появиться какое-то ограничение окружающей среды, заставившее *afarensis* или их близких предков адаптироваться к новому способу передвижения.

Существуют весомые доказательства того, что наши древние предки испытывали серьезный кризис окружающей среды – леса отступали; поскольку, вероятнее всего, они были лесными обитателями, их мир в буквальном смысле исчезал у них на глазах. Возможно, что один из видов человекообразных обезьян увидел в этих изменениях новые возможности; представители этого вида перебрались на открытые пастбища и смогли найти новые источники еды, не используемые теми, кто остался на деревьях. Но этот переезд в саванну имел свою цену. Лес предоставляет приблизительно равномерное распределение еды, если полагаться на зелень и фрукты. Оказавшись в саванне, где этот вид еды появляется сезонно или на разбросанных далеко друг от друга участках – в рощах и на полянах, нашим предкам пришлось бы путешествовать на далекие расстояния, чтобы обеспечить себе пропитание на протяжении всего года, для того чтобы поддерживать большой размер тела¹². Ввиду этих обстоятельств хождение на двух ногах оказалось бы более эффективным средством передвижения. Для человекообразных обезьян с большой массой тела хождение на двух ногах на дальние расстояния с постоянной и неспешной скоростью требует меньшего количества калорий, чем покрытие того же расстояния на четырех ногах¹³. Таким образом, прямой предок *afarensis* мог перейти от обитания в лесу к обитанию в полях, что заставило его бродить на двух ногах от одной рощицы к другой, проходя многие километры по открытой саванне в поисках еды. Около 2 миллионов лет назад этот переход полностью завершился, и новая ветвь человекообразных, которая в итоге привела к появлению человека, прочно укоренилась.

¹¹ Isbell and Young 1995; Lovejoy 1981.

¹² Foley 1987.

¹³ Foley 1987; Isbell and Young 1995; Rodman and McHenry 1980.

Ветвистое древо

Когда меняются условия окружающей среды, виды либо приспосабливаются, либо вымирают. Те, кто адаптируется, подвергаются быстрым изменениям внешнего вида и поведения – по сути, они бегут на шаг впереди вымирания, – и в эти периоды обычно происходит расцвет новых видов¹⁴. Так было и в нашей истории. Сегодня мы наблюдаем только один вид человека, существующий на земле, – современный *Homo sapiens sapiens*. Но между 2,5 и 1,5 миллиона лет назад в Африке обитало по крайней мере пять видов человекоподобных существ¹⁵. Этот список включает в себя четыре вида австралопитеков, которые были полностью двуногими, но у которых был очень маленький мозг, как и у *afarensis*, а также группу с большим объемом мозга – *Homo habilis*. Возможно, именно от *habilis*, впервые появившегося в архивах ископаемых около 1,8 миллиона лет назад, и произошел современный человек.

С этой точки зрения, разумно, что наши предки выглядят знакомыми. Большой мозг становится еще больше. Всего 750 см³ у *homo habilis* практически удваиваются в последующий миллион лет, тогда как наша ветвь проходит последовательные стадии *Homo erectus*, *Homo sapiens neanderthalensis* и различные переходные виды к современному *Homo sapiens sapiens*. Неизвестно, почему у нас большой мозг, хотя на этот счет есть множество предположений. Очевидно, что использование инструментов требует мощности мозга, но инструменты появились в нашей жизни задолго до того, как мозг стал большим. Большой мозг можно объяснить наличием речи, но человеческий язык – это сравнительно недавнее образование, и, возможно, оно является следствием нашего сложного мозга, а не катализатором для его развития. Одной из вероятностей является то, что большой мозг нужен нам, чтобы поддерживать межличностные отношения, поскольку мы социальные существа¹⁶. Социальный интеллект, то есть отслеживание родственных связей, врагов и друзей, может быть той силой, что отвечает за быстрое увеличение размера и сложности человеческого мозга.

В любом случае, мы начали задействовать дополнительные нейроны на ранних этапах нашей истории. Высокий уровень интеллекта и навыки решения задач подтверждаются каменными инструментами, найденными у *Homo habilis* 1,8 миллиона лет назад. Эти грубые камни использовались для того, чтобы дробить кости животных или снимать с них шкуру. Вероятно, инструменты помогали этому виду использовать более широкий спектр животных, делая охоту и собирательство более эффективными. Производство и развитие инструментов, возможно, также способствовало процессу переработки растительной пищи. Возможно, что без инструментов и того, что является результатом их использования, более поздние человеческие существа не смогли бы переселиться из Африки в более сложные климатические зоны по всему миру¹⁷. Таким образом, доказанными фактами истории нашего вида является хождение на двух ногах, большой мозг и способность изготавливать и использовать инструменты и другие культурные артефакты, помогающие нам менять мир вокруг, чтобы он соответствовал нашим потребностям. Другие грани нашей жизни, такие как взаимоотношения с семьей и с друзьями и то, как мы ведем нашу сексуальную жизнь, остаются на волю нашего воображения.

¹⁴ Foley 1987.

¹⁵ Описание ископаемых гоминидов изменяется с каждым новым открытием – как это и должно быть. На данный момент хорошее описание нашей ископаемой истории можно найти в любом учебнике по биологической антропологии начального уровня.

¹⁶ Cheney et al. 1986.

¹⁷ Foley 1987.

Мы – не то, что мы делаем

Хотя ископаемые и каменные инструменты очерчивают нашу биологическую и культурную историю, камни и кости не рассказывают, кем мы являемся. К сожалению, поведение не оставляет следов в виде ископаемых. Например, отпечаток сексуального поведения практически невозможно увидеть в древней кости. Поэтому нам остается только гадать, кем были те члены общества, составляющие наше наследие, бродившие по саванне, поедающие фрукты и мясо и занимающиеся сексом.

Естественная биология человека

Если рассматривать людей как один из многих биологических видов, то они заслуживают следующее описание: они являются млекопитающими большого размера с большим объемом мозга; двуногие с длинными конечностями; самцы в большинстве своем крупнее самок. У мужских особей есть волосы на голове, на лице, в подмышках и в паховой области, но кроме этого они практически безволосы. У них сравнительно большой пенис и маленькие яички, которые легко заметить со стороны. У женских особей есть жировые отложения в области груди, волосы на голове, в подмышках и в паху. Как специалист, изучающий приматов, наблюдая за обезьянами, я сделала вывод, что у человеческих женских особей нет никаких внешних признаков овуляции, таких как красный зад у шимпанзе и павианов. Но у женских особей человека окончание цикла проявляется видимыми кровавыми выделениями из влагалища; эти выделения прекращаются в среднем возрасте, что означает, что репродуктивный период у них ограничен. Когда женские особи зачинают, обычно это один ребенок. Человеческие детеныши чрезвычайно зависимы с момента рождения, им требуется уход в течение первых нескольких лет жизни, и, по-видимому, оба родителя вовлечены в заботу о нем. В отличие от многих млекопитающих, человеческие отпрыски остаются зависимыми от родителей в плане укрытия и еды на протяжении юного возраста и держатся рядом даже став взрослыми.

Описание, подобное этому, я бы дала новому виду обезьян, который я только что открыла в лесах. Я выделяю эти черты, потому что, будучи знакомой с другими приматами, я знаю, что это те детали, которые отличают нас от других человекообразных обезьян, по крайней мере в плане физиологии. Некоторые из этих черт естественно связаны с сексуальностью человека, и поэтому они – наше единственные физиологические подсказки в плане естественной сексуальной биологии нашего вида. То, как современные люди проявляют свою сексуальность в повседневной жизни, необязательно предполагает, что наши действия продиктованы лишь зовом природы, – культура и общество направляют и формируют нас самыми различными способами, неизвестными нашим предкам. Но в каком-то смысле части нашего тела все еще говорят на языке естественного отбора – некоторые черты нашего вида существуют, потому что когда-то давно, как и сегодня, они стали результатом естественного отбора, чтобы помочь нам передавать свои гены. Поэтому антропологи потратили много усилий, пытаясь увязать эти черты в логичную историю человеческой эволюции. Тем не менее по сей день не существует ясной картины того, как сформировалась наша сексуальность.

Чувство общности

Хотя мы и не знаем точно, как наши предки проявляли сексуальность в повседневной жизни, мы знаем, что они были социальными животными, жившими во взаимодействующем сообществе. На самом деле почти все приматы являются социальными животными. В отличие от многих других млекопитающих, приматы обычно живут в группах и плотно взаимодей-

ствуют друг с другом. Они соприкасаются, расчесывают друг друга, сидят рядом и постоянно общаются. Мы предполагаем, что наши предки вели себя таким же образом, существуют также палеонтологические доказательства в поддержку этой идеи. В 1978 году группа, нашедшая Люси и давшая ей название *Australopithecus afarensis*, обнаружила скопление костей, представляющих по крайней мере 13 индивидов вида *afarensis*. Это сообщество ископаемых, может быть, и не жило вместе и не умерло одновременно, но было бы большим совпадением найти нескольких индивидов в одном месте спустя долгое время после их смерти, если они не общались каким-либо образом. Вопрос сообщества важен для понимания нашей сексуальности, потому что, как и у всех животных, наша система брачных отношений встроена в более широкую социальную систему. Проживание в группах и члены, составляющие группу, определяют возможности для вступления в половые отношения. Большая группа означает большое количество возможных половых партнеров, тогда как маленькая группа ограничивает выбор партнеров. Если мы будем основываться на разумном предположении, что наша история – это история проживания в группах, в каких группах мог бы жить наш вид?

Есть несколько возможностей, и все они продиктованы тем, как данный вид решает вопрос пропитания. На самом базовом уровне каждый индивид запрограммирован на то, чтобы передавать свои гены. Чтобы этого достичь, индивид должен быть жив, заниматься сексом и вырастить детенышей до разумного возраста. Для самцов этот значит избегать хищников и использовать каждую возможность заняться сексом, чтобы их сперматозоиды попали в плодовые самок. Для самок, особенно для млекопитающих, секс и зачатие не такая уж проблема; самцы обычно концентрируются вокруг самок – более ограниченного ресурса для размножения. Хотя самкам также нужно избежать челюстей хищников, их главная забота – добыть достаточное количество еды в долгосрочной перспективе, чтобы выносить и выкормить детеныша. Согласно этой теории, самки распределяются в соответствии с распределением еды. Как это происходит, определяется их способностью обнаруживать, собирать и переваривать пищу под наблюдательным взглядом хищников. Самцы, для которых еда не так важна в плане воспроизведения, как поиск самки, будут группироваться согласно тому, как группируются самки¹⁸. Другими словами, если мы хотим понять, почему павианы живут большими сообществами, достигающими сотни индивидов, а гиббоны – небольшими семейными группами, и экстраполировать это знание на естественную историю человеческих групп, нам нужно обратиться к самкам.

Самки бабуинов – небольшие животные, питающиеся растительной пищей, равномерно распределенной по саванне. Самкам не нужно защищать определенную территорию, но им требуется защита от хищников, обитающих в саванне. Результатом этого является то, что они живут со своими сестрами. Самцы павианов предпочли бы изолировать нескольких самок, но поскольку сделать это с такой большой группой у них не получается, другие самцы тоже присоединяются к группе. Результатом этого является большое сообщество, состоящее из мужских и женских особей. Самки гиббонов агрессивно защищают определенный, богатый едой участок леса от вторжения чужаков, даже от своих сестер гиббонов, и только одному самцу разрешено жить рядом для совместной защиты этой территории. Но большинство времени самца уходит не на защиту еды, а на защиту самки от других заинтересованных самцов¹⁹. Результатом является моногамная пара с несколькими отпрысками, этакая семейная группа. В каждом из вышеприведенных примеров социальная система, предполагающая систему брачных отношений, связана с тем, как животные находят еду и партнера.

Возможно, наши предки тоже жили большими группами, как павианы, бродя по саванне стайками по несколько самок и самцов, в близкой сексуальной доступности друг от друга.

¹⁸ Wrangham 1980.

¹⁹ Mitani 1985.

Единственным пробелом в этом сценарии является то, что люди – относительно большие животные. Живя группой, зависящей от охоты и собирательства, мы никогда не собрали бы достаточного количества еды; группы ранних гоминидов не могли передвигаться с достаточной скоростью или путешествовать на большие расстояния, чтобы обеспечить пропитание большой группе. Наши близкие сородичи шимпанзе решили эту проблему, организовав, как это называют приматологи, общество разделения-слияния. Время от времени они собираются вместе, но пропитание добывают в основном в одиночку²⁰. Более вероятно, что наши предки жили в небольших и более-менее постоянных группах с вариациями – начиная от одного самца, живущего и вступающего в половые отношения с несколькими самками; и до семейной группы, во главе которой стояла моногамная пара. И здесь лежит один из спорных вопросов о нашем виде – являемся ли мы «естественно» моногамным видом с длинной историей супружеской верности или же наше прошлое не так однозначно?

²⁰ Isbell and Young 1995.

Естественная эволюция брачного поведения человека

Брак является универсальным явлением для всех людей. В любой культуре мужчина и женщина образуют пару, чтобы создать семейную ячейку. Обычно это делается в форме публичной церемонии с соблюдением ритуалов и традиций. В самом поверхностном смысле брак предоставляет обоим партнерам сексуальный доступ друг к другу, но этот союз не является решением лишь личных сексуальных вопросов. Публичные церемонии бракосочетания, как ничто другое, демонстрируют во всех культурах тот факт, что брак призван формализовать систему, в которой рождается и воспитывается большинство детей; брак также представляет собой соединение расширенных семей²¹, что можно интерпретировать как создание альянса. Кроме того, брак может быть целесообразным с политической точки зрения. В каком-то смысле секс – это последнее, что гарантирует брак. Но, если не принимать во внимание все эти культурные ловушки, люди все равно предпочитают вступить в законный парный союз, даже при отсутствии семейных или политических факторов. Поскольку брак – это черта, которую можно найти в любой культуре и поскольку люди чувствуют себя обязанными жениться и жить семейной жизнью, независимо от того, целесообразно это или нет, разумно предположить, что желание создать с кем-то пару на всю жизнь является «естественным» биологическим состоянием. С этой точки зрения кажется, что в плане биологии мы являемся моногамным видом. Но так ли это?

Эволюция моногамии

Моногамия в качестве типа брачных отношений, а не сексуальной практики, редко встречается в животном мире. Это тонкий компромисс, на который два осторожных партнера идут только в особых обстоятельствах. Должна быть убедительная причина, чтобы самец оставался с одной самкой, и не менее убедительная причина, чтобы самка разрешила самцу вообще быть рядом. Моногамия может развиваться, когда самка живет одна, но ей нужен самец, чтобы защищать источник еды²². Она также может развиваться из-за потребности самки в помощи с детенышем. Но самец будет тратить силы на ребенка, только если будет уверен, что это его отпрыск; зачем самцу терять время, если он не уверен в своем отцовстве?

Если мы на минуту предположим, что люди «естественно» моногамны, то нам придется ответить на вопрос, что было на чашах весов, когда наши предки перешли к моногамному образу жизни – территория или озабоченность своим отцовством? Мы знаем, что наши дочеловеческие предки бродили по саванне в поисках еды, встречавшейся на далеко отстоявших друг от друга участках; скорее всего они не были очень привязаны к территории. Также логично предположить, что женские особи древних людей не путешествовали по саванне в одиночку, а поэтому не могли быть изолированы одним самцом. Наиболее вероятно, как я уже упоминала, что эти люди жили в небольших группах из нескольких взрослых женских особей и, возможно, нескольких мужских. Вопрос защиты определенной территории перед ними не стоял. Более разумное предположение состоит в том, что 4 миллиона лет назад у предков человека уже были чрезвычайно зависимые детеныши, которым нужна была забота более чем одного родителя. Возможно, под давлением этой зависимости детенышей и сформировалась наша особая система брачных отношений.

²¹ Расширенная семья – состоящая из двух и более поколений, достигших самостоятельности, члены которой живут вместе или в непосредственной близости и формируют единое домохозяйство, например родители, взрослые дети и их семьи. (Прим. переводчика.)

²² Rutberg 1983.



Возможно, люди и были избраны в результате естественного отбора для парных отношений, но они не были выбраны, чтобы быть моногамными с сексуальной точки зрения. На самом деле верные с сексуальной точки зрения пары сегодня так же редки, как это, вероятно, было в нашем древнем прошлом (фото Д. Хэтч)

Человеческий детеныш, требующий пристальной заботы

Биологи классифицируют всех детенышей в зависимости от их способности выжить в одиночку. Тех, кто с рождения является проворными и независимыми, как оленята, которые начинают бегать вскоре после рождения, называют зрелорождающимися. На другом конце шкалы находятся детеныши, которых нужно носить, защищать и постоянно кормить. Их называют незрелорождающимися²³. Период вынашивания современных детенышей человека составляет 267 дней, и они требуют заботы в течение нескольких лет после рождения. В чем-то эти цифры соотносятся с другими большими млекопитающими. Например, детенышей черного носорога вынашивают 475 дней и выхаживают 5-6 лет; большие бурые дельфины вынашивают детеныша 360 дней и выхаживают его около года; гориллы вынашивают 252 дня и выхаживают детенышей 14 месяцев²⁴. Кроме того, мозг детенышей человека достигает 12 % от массы тела, приблизительно как и у детенышей других млекопитающих. Разница состоит в том, что после рождения мозг детенышей человека развивается со скоростью, оставляющей позади любых других животных на Земле²⁵. Это означает, что хотя детеныши человека и рождаются с мозгом, соответствующим размерам тела больших млекопитающих, но развитие этого мозга совсем не окончено, если сравнивать его с мозгом взрослого. Таким образом, детеныши человека являются чрезвычайно незрелорождающимися, и им требуется усиленная и долговременная забота, потому что их мозг еще не может управлять движением мышц и мыслительным процессом, как это происходит у более зрелорождающихся животных²⁶.

²³ Экологи помещают эти категории на горизонтальной шкале. Виды, производящие детенышей, требующих небольших вложений сил, и часто производящие множество детенышей одновременно, например насекомые, называются «видами R-отбора». На другом конце шкалы – «виды K-отбора», такие как люди, у которых общее количество детенышей меньше и они больше вкладывают в каждого ребенка.

²⁴ Eisenberg 1981.

²⁵ Dienske 1986.

²⁶ Martin 1990.

Почему ветвь человека развивалась в направлении зависимых детенышей, неизвестно. Антропологи рассуждают, что естественный отбор предпочитал животных с большим мозгом и высоким уровнем интеллекта. Отбор по принципу большого мозга привел к тому, что формирование нервной системы у новорожденных не окончено. Это, в свою очередь, значило, что родителям придется ухаживать за этими беспомощными детенышами. Но время, которое уходит на заботу о беспомощных детенышах, можно потратить и на обучение сложным социальным навыкам. Это направление эволюции привело к тому, что младенцы чрезвычайно зависимы и требуют многих лет внимания. В конце концов, люди – и мужчины, и женщины – могут передать по наследству гены, то есть достичь успеха в размножении, только если они объединят свои усилия и вложат много в каждого ребенка.



Всех приматов характеризует длительный период зависимости в детском возрасте. Человеческие детеныши часто требуют большого вложения времени и сил и от матери, и от отца (фото Д. Хэтч)

Сдерживающая сила в человеческой паре

Из-за того что у человеческих детей имеется потребность в усиленной и долговременной родительской заботе, многие антропологи предполагают, что пара внимательных родителей является частью человеческого наследия, а поэтому представляет собой генетически сформированную схему брачных отношений²⁷. Другими словами, сегодня мы разбиваемся на пары, потому что эта схема взаимоотношений полов была выбрана на протяжении времени в качестве лучшего контекста для взращивания детей. Предлагаемый – и не доказанный – сценарий развивается примерно таким образом. У человеческого детеныша развился большой мозг, поэтому ребенок должен был рождаться до наступления зрелости нервной системы, вследствие чего он был чрезвычайно зависимым. Женские особи наших предков не могли сами справиться с заботой, поэтому им был нужен партнер. Единственный способ, которым они могли удер-

²⁷ Alexander 1990; Alexander and Noonan 1979; Lovejoy 1981.

жать мужчину рядом, чтобы он помогал выращивать ребенка, – стать сексуально доступными в любое время. Поэтому женщины отбросили любые внешние признаки способности к оплодотворению, чтобы мужчины думали, что они способны к оплодотворению в любой момент. Но это представляло проблему. Если мужчины знали, когда у женщин происходит овуляция, они могли стеречь каждую из них в этот важный, репродуктивный период, а остальное время гоняться за другими женщинами. Но, поскольку никаких внешних признаков способности к размножению не стало, а женщины были доступны для секса вне зависимости от способности к оплодотворению, мужчинам пришлось сформировать исключительные и защищенные парные отношения с определенными женщинами, чтобы оградить их от других мужчин. В результате мужчины были более уверены в своем отцовстве и могли помогать заботиться о детях. Женщина, став сексуально доступной в любое время, получила заботу второго родителя о своем ребенке и, возможно, дополнительное пропитание, такое как мясо. В этом сценарии нуклеарная семья²⁸ уходит корнями в сексуальность, а инициаторами этой системы являются женщины, потому что они производят на свет зависимых детенышей²⁹. Единственная проблема этого сценария – то, что он является этаким колоссом на глиняных ногах.



Антропологи предположили, что зависимость человеческих младенцев от родителей стала причиной естественного отбора такой системы, где пары кооперируются, чтобы взращивать отпрыска (фото М. Смолл)

²⁸ Нуклеарная семья – состоящая из супругов или одного из супругов и их/его/ее детей, находящихся на содержании у родителей. (Прим. переводчика.)

²⁹ Существует несколько версий этого сценария, но они все складываются приблизительно одинаково – женщины используют секс, чтобы получить от мужских особей заботу о младенцах (Alexander 1990; Alexander and Noonan 1979; Fisher 1982; Lovejoy 1981; Strassmann 1981; Symons 1979; Turke 1984).

Внимание к женским особям

Антропологи изучали, рассматривали, рассуждали и строили теории относительно того, почему у женщин именно такая сексуальная биология, сравнивая человека с шимпанзе, предполагая, что люди произошли с ними от общего предка. В конце концов, именно женские особи человека имеют привлекательную грудь и у них развилась способность заниматься сексом в любое время, в отличие от их сородичей шимпанзе, у которых гениталии сильно набухают во время течки, означающей способность к оплодотворению. Верно, что у женских особей человека отсутствует эструс, или период течки, как у других животных, и что они, как это называют ученые, «постоянно рецептивны» к сексу³⁰. Но это не обязательно означает, что наши женские предки, не имевшие определенного периода эструса, могли поймать мужчин в ловушку, предлагая им возможность секса по требованию³¹. Как знает любой сексуально активный человек, никакие долговременные отношения не держатся на сексе. И, по видимости, секс не скрепляет отношения родственных нам парных приматов. Например, гиббоны, небольшие человекообразные обезьяны тропических лесов южно-восточной Азии, живут парами и вообще редко занимаются сексом. Тогда как бонобо, шимпанзе заирских лесов, занимающиеся сексом на каждом шагу, неразборчивы в своих связях и не имеют парных отношений. Таким образом, секс имеет ограниченное влияние на тип отношений, который устанавливают между собой приматы.



Женские особи приблизительно 10 % видов приматов демонстрируют яркие признаки эструса, такие как набухание промежности у варварийских обезьян. У женских особей человека овуляция надежно скрыта. Некоторые предполагают, что эта неочевидность овуляции имеет огромное влияние на эволюцию схем человеческих половых отношений (фото М. Смолл)

³⁰ Lovejoy 1981.

³¹ Alexander and Noonan 1979; Lovejoy 1981.

Также важно поставить под вопрос концепцию эструса или его отсутствия в этом обсуждении систем половых отношений у людей. Идея того, что женские особи человека всегда рецептивны к сексу, связана с классическим термином, характеризующим поведение животных – эструс, – который часто используют неправильно. Для самок животных сексуальное поведение обычно является чем-то отдельным от остального поведения. Большую часть времени самки животных не заинтересованы в сексе и уж точно не ищут возможности им заняться. Лишь в определенные периоды, под давлением гормональных изменений, появившихся в результате эволюции, чтобы облегчить зачатие, самки становятся заинтересованы в половых отношениях. Обычно в период, окружающий овуляцию, у них происходит течка, когда они становятся особенно привлекательными для самцов, воспринимают их сексуальное позирование, а также часто ищут самцов; это состояние называется процептивностью³². Для животных, за исключением человека, в полной мере пережить период течки, или эструса, значит, что самка должна переживать все эти три состояния – быть привлекательной, рецептивной и процептивной, чтобы половые отношения свершились. Этот тип биологической мотивации особенно важен для одиночных и ночных животных, которым иначе было бы сложно найти партнера³³. Поскольку у женских особей человека нет определенных физиологических признаков эструса, ничего из перечисленного к ним не применимо³⁴. На самом деле женщины почти всегда привлекательны для мужчин. Возможно, не всех женщин привлекают все мужчины в любой момент времени, но в целом женщины не меняют сколько-нибудь заметно свое поведение или физиологию, чтобы привлечь мужской интерес. У женских особей человека также нет определенных периодов, когда они являются или не являются рецептивными; этот термин не применим, потому что гормоны не побуждают женщин поддерживать определенное положение для полового акта. А термин «процептивность» применим к женщинам лишь относительно. В поведении животных процептивность заключается в том, что самки ищут самцов и демонстрируют им свой интерес. Человеческие женские особи, конечно, тоже делают это, но пока еще никто не продемонстрировал, что женская сексуальная настойчивость происходит только из-за гормональных колебаний. Другими словами, определяющие термины – эструс, привлекательность, рецептивность и процептивность – просто не применимы к человеческим женским особям.

Это отсутствие четкого периода эструса можно наблюдать в меньшей степени и у наших сестер-приматов. Хотя у самок обезьян и есть эструс, этот период весьма размыт. Самки шимпанзе или макаки, конечно, демонстрируют признаки привлекательности, рецептивности и поиска партнера, но их поведение растягивается на гораздо большее время, чем период возможности для зачатия. И хотя у некоторых самок обезьян есть сзади большие розовые набухания во время течки, чтобы видимо обозначить, что в скором времени у них произойдет овуляция, эти набухания могут держаться до нескольких недель³⁵. Эструс для этих самок – это постоянное состояние, запускающее соответствующую реакцию самцов на долгий период, оно не служит лишь недолгим индикатором способности к оплодотворению. Кроме того, у нескольких видов приматов отсутствуют четкие признаки эструса, как и у женских особей человека³⁶.

Таким образом, поскольку женщины всегда привлекательны, не обязательно способны к зачатию относительно месячного цикла и не должны быть рецептивны к сексу, они обладают гибкостью в сексуальном плане, то есть женщины не становятся внезапно сексуальными

³² Beach 1976.

³³ Martin 1990.

³⁴ Small 1993.

³⁵ Small 1993.

³⁶ Blaffer Hrdy and Whitten 1987; Small 1993.

только когда приближается овуляция. Они могут быть сексуальны практически в любой период цикла овуляции³⁷. Ясно, что эта гибкость является отличительной чертой нашего вида, что, должно быть, имело значительное влияние на отношения мужчин и женщин. Это также позволяет предположить, что женщины, как и мужчины, могут быть биологически не приспособлены к моногамии.

Когда моногамия таковой не является

Нам пора пересмотреть свои представления о моногамии. Моногамия как система встречается в природе чрезвычайно редко. На самом деле парные отношения чаще можно встретить в нашем собственном отряде приматов, чем в каком-либо другом отряде. Существует около двухсот видов приматов, и около 14 % из них живут парами и вступают в моногамные брачные отношения. Моногамия встречается у многих представителей отряда приматов, включая полуобезьян, обезьян и человекообразных обезьян. Это обстоятельство можно было бы принять за основание моногамности человека. Но исследование предположительно моногамных обезьян тити, обитающих в бассейне Амазонки, проведенное психологом Уильямом Мэйсоном из Калифорнийского университета в Дейвисе в 60-е годы XX века, подсказало приматологам, что все не так, как кажется, и среди моногамных, на первый взгляд, приматов³⁸. Обезьяны тити обитают в тропических лесах на верхушках деревьев. Просыпаясь каждое утро, они поют в унисон, защищают свои территории от других обезьян тити, которые могут заявить на нее права. Типичная пара обезьян тити проводит большую часть дня рядом друг с другом, сцепившись хвостами – верный знак близкой и постоянной привязанности. Постоянной – до того момента, когда самка решает отцепить свой хвост и сбегать на соседний участок, повидать самца-соседа. Иногда она спаривается с соседствующим самцом и возвращается, как ни в чем не бывало.

Те, кто считает людей естественно моногамными, указывают на то, что по крайней мере одни из наших человекообразных сородичей, гиббоны, живут в тесно взаимосвязанных парах, где самцы и самки вступают в брачные отношения на всю жизнь. Но недавно опубликованные результаты двухлетнего исследования гиббонов в северной Суматре стали причиной удивительного открытия: парные отношения – не всегда парные отношения, а семья – не всегда семья³⁹. Гиббоны действительно проводят время небольшими группами, состоящими из самца, самки и нескольких детенышей, но это не обязательно постоянная нуклеарная семья. Самец может быть недавним вдовцом, к которому только что присоединилась самка, ушедшая от своего предыдущего партнера. А все эти так называемые отпрыски на самом деле могут быть двумя молодыми самцами, жившими по соседству, оставившими своих родственников ради этой воссозданной семьи. Это же исследование выявило, что сиаманги – другой тип небольших человекообразных обезьян, – которых считали стойкими приверженцами моногамии, не являются строго моногамными. По крайней мере одна из самок сиаманга с участка, находившегося под наблюдением, несколько раз оставляла своего обычного партнера и спаривалась минимум с тремя разными самцами, прежде чем вернуться домой. Так что моногамия, по крайней мере для других животных, является совсем не тем, что мы думали.

³⁷ Blaffer Hrdy 1983.

³⁸ Mason 1966.

³⁹ Palombit 1992.

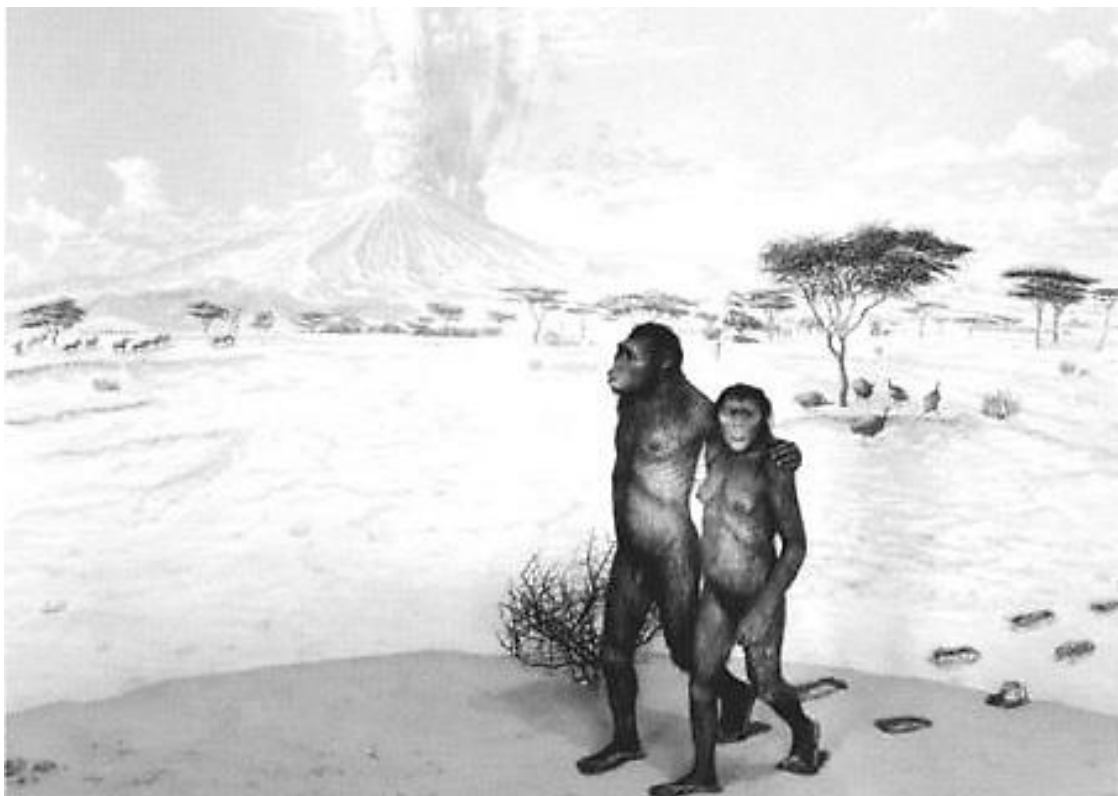
Являются ли люди естественно моногамными?

Хотя исследования других животных заставляют предположить, что моногамия может несколько отличаться от принятого определения, это не обесценивает роль моногамии в человеческих сообществах ни сейчас, ни в прошлом. В конце концов, имелась серьезная эволюционная причина деления людей на пары – чтобы вырастить зависимого отпрыска. Моногамия, если она была выбрана нашими предками, должна была быть движима потребностью, чтобы мужчина вкладывался в процесс выращивания отпрыска так же, как и женщина. Другими словами, когда природа выбирает интенсивную заботу родителей, обоим полам должно быть выгодно жить вместе. Остается вопрос: вынуждают ли людей гены оставаться с одним партнером?

Ископаемые заставляют предположить, что мы какие угодно, но не моногамные существа. Следует начать со сравнения формы и размера тела человека с другими животными. Почти у всех видов животных легко отличить самцов от самок. Иногда представители разных полов отличаются окрасом, или у одного пола могут быть вызывающие украшения, такие как рога или перья хвоста, указывающие на их пол. Чаще всего представители разных полов отличаются размером – самцы обычно, но не всегда, больше самок. В 1859 году Чарлз Дарвин предположил, что диморфизм между полами развился из-за соперничества в брачных играх. Когда животные соревнуются между собой за то, чтобы заполучить самку, естественный отбор отдаст предпочтение более крупным и приспособленным для сражения. Кроме того, более яркие и украшенные индивиды могут привлекать внимание противоположного пола и чаще заполучать партнера из-за этой своей особенности⁴⁰. В обоих случаях различия представителей разных полов в размере и украшениях зависят от того, кто заполучает самку. Многие самцы приматов намного больше самок. Самцы бабуинов по крайней мере в 2 раза больше самок, как и орангутанги и гориллы. Разница в размере между представителями различных полов проявляется в полигамной группе, где самцы должны соревноваться друг с другом за шанс заполучить партнершу⁴¹. У самцов развились большие размеры, чтобы соревноваться с другими самцами за доступ к самкам. Но когда приматы вступают в моногамные брачные отношения – один самец с одной самкой, – самцам не приходится соревноваться друг с другом, поэтому самцы и самки оказываются примерно одного размера.

⁴⁰ Darwin 1859; Darwin 1871.

⁴¹ Clutton-Brock and Harvey 1976.



Ископаемые останки наших древних предков – австралопитеков демонстрируют, что три с половиной миллиона лет назад система половых отношений была полигамной. Современные мужчины и женщины гораздо ближе друг к другу по размеру (фото Finnin/Chesek. Любезно предоставлено библиотечным отделом Американского музея естественной истории)

В рамках этой теории люди являются видом, частично склонным к полигамии, произошедшим от видов, более склонных к полигамии⁴². *Australopithecus afarensis* был видом с ярко выраженным диморфизмом⁴³ – настолько выраженным, что когда-то палеонтологи считали, что скелеты большего и меньшего размера относятся к двум разным видам. Размер самок *afarensis* составляет только 64 % от размера самцов, что делает их менее склонными к диморфизму, чем гориллы, но более склонными, чем современные люди. Эта разница в размерах тела больше соотносится с шимпанзе, что заставляет предположить, что система половых отношений наших предков была такая же, как у шимпанзе. А шимпанзе совсем не моногамны. Самцы конкурируют за самок, а самки совокупляются с несколькими самцами в период эструса⁴⁴.

В течение нашей эволюции люди стали менее склонны к диморфизму. Размеры тела современных женщин составляют приблизительно 80 % от размера мужчин, и это заставляет предположить, что, хотя мужчины и женщины отличаются не так сильно, как наши предки 3 миллиона лет назад, мужчины в среднем несколько больше женщин. Значит, размер наших тел указывает на то, что мы менее естественно моногамны, чем нам хотелось бы верить. Можно порассуждать о том, что разница в размерах мужчин и женщин сократилась на протяжении миллионов лет до цифры в 80 %, потому что мы всё больше и больше эволюционировали в сторону моногамных брачных отношений. Однако данные о состоянии взаимоотношений полов у нашего вида на сегодняшний день дают понять, что наши тела напрямую перекликаются с нашими сексуальными и брачными привычками.

⁴² Blaffer Hrdy and Bennett 1981c.

⁴³ McHenry 1991; McHenry 1992.

⁴⁴ Goodall 1986; Tutin 1979.

Под покровом ночи

Никто не будет спорить, что люди сегодня создают пары, поэтому нашу систему взаимоотношений полов можно в каком-то смысле назвать моногамией. Но что это за моногамия? Если оценить бесчисленные первобытные и индустриальные общества по всему миру, только 16 % человеческих сообществ называют себя моногамными – остальные 84 % утверждают, что они полигамны⁴⁵. На самом деле лишь 10 % мужчин в этих так называемых «полигамных» культурах имеют более одной жены⁴⁶. Большинство браков во всех обществах заключается между одним мужчиной и одной женщиной, потому что только мужчина с высоким статусом и уровнем дохода может позволить себе больше. Важно подчеркнуть, что брак не обязательно является системой половых отношений, и люди часто демонстрируют, что с сексуальной точки зрения они уж точно не моногамны. Антрополог Хелен Фишер показала, что люди чаще всего разводятся или меняют партнера после 4 лет совместной жизни, приблизительно к тому времени, когда ребенок станет относительно независимым⁴⁷. Как на то указали Фишер и другие, люди, как правило, действительно состоят в браке с одним человеком одновременно, но часто они не остаются с этим человеком на всю жизнь. В этом смысле, по крайней мере в браке, люди вступают в последовательную моногамию – один партнер в единицу времени, но несколько на протяжении жизни.

Даже когда люди становятся сторонниками моногамных отношений, сопровождающихся свадебным ритуалом, часто это не означает, что они остаются верны только одному партнеру всю жизнь. Последние исследования показывают, что и мужчинам, и женщинам иногда хочется чего-то нового. Согласно «Отчету Янусов о сексуальном поведении», 33 % женатых мужчин и 23 % замужних женщин признаются как минимум в одной связи на стороне⁴⁸. Другие, более ранние исследования показали, что 25-50 % и замужних женщин, и женатых мужчин имели какие-либо сексуальные отношения с другим партнером, состоя в браке⁴⁹. Раньше неверные мужья сильно превосходили по количеству неверных жен, но с 70-х годов XX века женщины быстро их догоняют. Авторы исследования Янусы считают, что внебрачные связи теперь являются отличительной чертой американских браков.

Взгляд на другие культуры показывает, что «моногамные» американцы не слишком отличаются от других людей в мире. В 73 % культур по всему миру и мужчины, и женщины признают наличие внебрачных связей⁵⁰. Хотя среди мужчин уровень измен всегда выше, чем у женщин, в каждой культуре, где мужчины вступают в новые отношения, женщины делают то же самое. Еще более интересно, что женщины воплощают в жизнь свои сексуальные фантазии, хотя во всех обществах их наказывают за неблагоразумие больше, чем мужчин. Антрополог Сара Блаффер Харди предположила, что женщин осуждают и иногда жестоко наказывают за неверность просто потому, что мужчины находятся у власти и опасаются необузданного сексуального влечения своих партнерш⁵¹. Если женщину не сдерживать, думают мужчины, она волей-неволей станет путаться с каждым встречным.

Также, по-видимому, существует множество биологических доказательств, позволяющих предположить, что, хотя общество налагает на нас моногамию, мы, люди, с биологической

⁴⁵ Van Den Bergh 1979.

⁴⁶ Fisher 1989.

⁴⁷ Fisher 1992.

⁴⁸ Janus and Janus 1993.

⁴⁹ Broude and Greene 1976; Gebhard and Johnson 1979; Small 1992a; Whyte 1978; Wolfe 1980. Недавний опрос «Секс в Америке» ставит эти цифры под вопрос (Michael et al. 1994).

⁵⁰ Broude and Green 1976.

⁵¹ Blaffer Hrdy 1981a.

точки зрения более приспособлены для полигамии. Двое британских биологов, Робин Бэйкер и Марк Беллис, вызвали добровольцев-мужчин, состоящих в моногамных отношениях, желающих сдать сперму для исследования, используя презерватив каждый раз, когда они занимались сексом⁵². Ученые обнаружили, что когда мужчины проводили даже короткое время вдали от своих партнерш, в следующий раз, когда они занимались любовью, количество сперматозоидов в сперме резко увеличивалось. И количество сперматозоидов возрастало не только потому, что у них не было секса, – многие мужчины мастурбировали, находясь в разлуке с партнершами. Бэйкер и Беллис предполагают, что природа каким-то образом знает, что их отсутствующие партнерши могут заниматься чем-то более сексуальным, чем работа или визиты к родственникам. В ответ на систему, созданную сотни тысяч лет назад, мужчины невольно вырабатывают больше сперматозоидов, чем обычно, чтобы превзойти потенциального соперника и повысить свои шансы на размножение.

Если мужчины во многих культурах желают иметь больше одной партнерши, а женщины присоединяются к ним в этом желании, заводя любовников, и если сама биология указывает на систему относительной полигамии, как можно повесить на людей ярлык «естественно моногамные»? Это не про них. Система моногамного брака – это изобретение культуры, чтобы заставить людей оставаться вместе всю жизнь. Существует множество небиологических причин для вступления в брак – причин, в основе которых лежат экономика, политика и мораль; соединенные вместе, они заставляют индивидов подчиняться тому, что лучше для определенного общества. Но это не значит, что человеческие существа легко приспособляются к тому, что может быть лучше для общности. Изначально мужчины и женщины согласны оставаться вместе ради детей, но обоим полам хотелось бы иметь мимолетную связь, если им это сойдет с рук, и часто они уходят на соседний луг, если там трава зеленее.



Новое исследование показало, что, когда пары находятся в разлуке на протяжении значительного периода времени, у мужчины выделяется гораздо большее количество сперматозоидов в следующий раз, когда он снова занимается сексом со своей партнершей (фото Д. Хэтч)

⁵² Baker and Bellis 1989.

Приспособления для секса

В моей коллекции слайдов приблизительно пять сотен фотографий обезьяньих задов: фотографии самок бесхвостых макак, расхаживающих по лесу с огромными розовыми шарами сзади, самок шимпанзе с розоватыми выступающими гениталиями, которые они демонстрируют самцам, молодых самок бабуинов с огромными набуханиями, которые изучают заинтересованные самцы. Нечасто встретишь такую коллекцию – кто, кроме приматолога, изучающего брачное поведение обезьян, потратил бы столько времени, направляя камеру на животных сзади? Я собрала эту коллекцию, потому что меня интересует, как самки приматов проявляют свое сексуальное поведение, а набухания являются маяком способности к оплодотворению. Они сигнализируют самцам и наблюдающим исследователям, что у самки приближается овуляция и, возможно, она готова к спариванию. По мере того как на протяжении женского цикла меняются гормоны, запускающие овуляцию, ткани, чувствительные к данным гормонам, набухают и меняют цвет⁵³.

Меня интересует, как самки обезьян ведут себя по отношению к этому состоянию набухания. Ищут ли они самцов, вместо того чтобы ждать, когда они придут сами? Интересуются ли они определенными самцами, когда приближается овуляция? Могу ли я определить отца из тех, с кем произошло соитие за этот период набухания? Только у двадцати из двухсот видов приматов есть столь явные признаки, указывающие на овуляцию, как у шимпанзе⁵⁴. Но то, как некоторые приматы демонстрируют овуляцию, важно для человеческой истории. Большинство антропологов предполагают, что человеческие женские особи когда-то давно тоже сигнализировали мужским особям об овуляции, но со временем потеряли это свойство. Эта так называемая «потеря сигналов эструса» в эволюции человеческой сексуальности и брачного поведения стала восприниматься как что-то само собой разумеющееся. Те, кто следует этим рассуждениям, задаются вопросом, почему в итоге овуляция у женщин стала скрытой, в отличие от наших сородичей приматов, самки которых продолжают привлекать внимание к своей способности к оплодотворению.

Чтобы объяснить скрытую овуляцию, было выдумано множество теорий. Самой популярной, как я описала выше, является идея, что наши женские предки, не демонстрирующие овуляцию, имели лучшую возможность использовать секс в качестве средства для создания пары с мужчиной, а пара была им нужна, чтобы выращивать зависимых детенышей⁵⁵. Более подробное описание этого сценария приблизительно таково. Люди являются единственным видом, живущим группами, в котором моногамия является преобладающей системой брачных отношений. Сексуальные набухания и признаки овуляции могут провоцировать конкуренцию между самцами, что снизило бы возможность образования парных отношений. Лучшим способом было бы не демонстрировать овуляцию видимым образом, чтобы никто о ней не знал. Не демонстрируя ее, женщины также «отделились» от гормонов, захватывающих их в определенные периоды сексуального интереса; они «утратили» эструс, а без эструса они могли заниматься сексом в любое время, не только в период овуляции.

Для мужских особей потеря сексуального эструса и скрытая овуляция представляла и проблему, и новые возможности. Поскольку овуляция стала непредсказуема, а женские особи были потенциально заинтересованы в половом акте в любое время, не было способа гарантировать, что зачатие произойдет с определенным мужчиной. С другой стороны, в теории,

⁵³ Blaffer Hrdy and Whitten 1987; Dixon 1983.

⁵⁴ Blaffer Hrdy and Whitten 1987.

⁵⁵ Alexander 1990; Alexander and Noonan 1979; Benshoff and Thornhill 1979; Daniels 1983; Fisher 1982; Lovejoy 1981; Strassmann 1981.

естественный отбор оставил мужчин, способных к спариванию при каждой возможности, и теперь этих возможностей у них было в изобилии. Развилась система, по мнению многих, сочетающая потребности обоих полов. Женщины скрывали овуляцию, но использовали непрерывную рецептивность к сексу, чтобы установить долгосрочные парные отношения с мужчиной, который помогал бы выращивать детенышей⁵⁶. Мужчины согласились на эту систему, потому что могли иметь секс в любое время в течение месячного цикла; при том что женщина вступала в половой акт исключительно с ним, он более охотно вкладывал силы во взращивание детей, потому что был уверен в своем отцовстве. Этот сценарий заставляет предположить, что скрытая овуляция была одной из тех сил, которая подтолкнула наших предков к моногамному образу жизни. Существуют вариации этой темы. Антрополог Сара Блаффер Харди, задокументировавшая эффект детоубийства у нескольких видов приматов, считает, что скрытая овуляция также является мерой предотвращения детоубийства. Когда самка скрывает овуляцию и спаривается с несколькими самцами, она защищает своих отпрысков от гибели от руки самцов, потому что любой из них может быть отцом⁵⁷. Неразборчивость в связях и совокупление на протяжении всего цикла, таким образом, является способом скрыть, кто является отцом. Такие связи могли также обеспечить самке заботу о детеныше от всех потенциальных отцов, чтобы она могла получать еду, такую как мясо⁵⁸.

Существует вероятность, что женская особь, не имеющая внешних признаков овуляции, пользуется всеми преимуществами; она может регулярно совокупляться с одним самцом, но затем наставить ему рога, когда ей будет угодно⁵⁹. Существует и более радикальная вероятность, что овуляция была скрыта не для того, чтобы ею манипулировать, а из соображений целесообразности. Биолог Нэнси Барли предположила, что, если бы овуляция у таких разумных видов, как наш, не была скрыта, немногие женщины согласились бы вынашивать и рожать детей. По ее мнению, овуляция была скрыта, чтобы обмануть самих женщин, увеличив их шансы на воспроизведение⁶⁰.

В каждом из приведенных выше сценариев наши женские предки осознанно или неосознанно использовали свою сексуальность, чтобы увеличить свои шансы на размножение, и обычно они достигали этого, вводя мужчин в заблуждение тем или иным способом. Хотя некоторые аспекты этих сценариев звучат разумно – мы на самом деле не демонстрируем яркого увеличения гениталий при овуляции, и у нас действительно зависимые детеныши, – в других частях общепринятых теорий видны зияющие дыры. Самым большим пробелом является предположение, что когда-то у женщин были эти набухания, а потом они каким-то образом их утратили⁶¹.

У одной из самых примитивных ветвей приматов, полуприматов, вообще нет половых тканей, способных что-либо продемонстрировать⁶². Вместо этого они обычно сообщают о своем состоянии эструса при помощи запаха. Самки полуприматов в период эструса помечают ветви пахучей мочой, а самцы часто напрямую осматривают самок, чтобы определить их состоя-

⁵⁶ Alexander and Noonan 1979.

⁵⁷ Blaffer Hrdy 1979; Blaffer Hrdy 1983; Sillén-Tullberg and Møller 1993.

⁵⁸ Symons 1979.

⁵⁹ Benshoff and Thornhill 1979; Symons 1979.

⁶⁰ Burley 1979.

⁶¹ Blaffer Hrdy 1983. Szalay и Costello создали живописную историю утраты набуханий женскими особями (Szalay and Costello 1991). По их представлениям создания, подобные шимпанзе с набуханиями, потеряли эти набухания, а после встали с четверенек и использовали хождение на двух ногах в качестве основного способа передвижения. В результате, по их мнению, женские человеческие особи приобрели большие ягодицы и свисающие груди для сигнализации о своей сексуальности. Их сценарий является несостоятельным, потому что у мужчин ягодицы тоже большие – что является результатом возросшей потребности в большой ягодичной мышце для стабилизации положения тела при хождении на двух ногах. Кроме того, груди в качестве сексуального сигнала являются культурной нормой и не всегда биологическим мотиватором.

⁶² Dixon 1983.

ние. Обезьяны южной и центральной Америки, которые считаются довольно примитивными по сравнению с обезьянами Старого Света и человекообразными обезьянами Азии и Африки, тоже не демонстрируют никаких набуханий⁶³. Это заставляет предположить, что демонстрация овуляции, по всей видимости, является более поздним приобретением по сравнению с примитивным состоянием, которое свойственно всем сородичам-приматам. Даже среди обезьян Старого Света явная видимая демонстрация овуляции либо наличие особых участков тканей или набухания, чувствительные к гормональным колебаниям, наблюдаются у девяти родов и отсутствуют у других девяти⁶⁴. Принимая это во внимание, как можно сказать, что является более общим, более древним состоянием? Возможно, существовало три различных пути развития этой особенности, которая впервые появилась в виде распухших гениталий, а затем постепенно захватила другие области задней части тела и ног. Когда приматы развили хорошее цветное зрение, розовая и набухшая задняя часть стала предпочтительным сигналом для видов, ориентировавшихся на зрение для получения информации об окружающем мире⁶⁵. В этом случае тот факт, что люди не демонстрируют видимых признаков овуляции, не имеет ничего общего с брачными отношениями и заботой о детенышах. На самом деле следует задаться обратным вопросом: почему у некоторых видов приматов есть эти набухания, когда у людей и десятков других видов приматов их нет?

На сегодняшний день этот вопрос кажется более уместным с точки зрения эволюции. Набухания требуют потребления калорий – то есть энергии, чтобы их поддерживать. Например, вес тела свиногохвостой макаки при наличии набуханий увеличивается на 17 %. Набухания у шимпанзе содержат больше литра жидкости⁶⁶. Кроме того, набухания мешают в повседневной жизни – я наблюдала бесхвостых макак с довольно большими ранами на их набуханиях, что ставит самку под угрозу инфицирования. Единственная причина, по которой какой-либо вид может развить подобное приспособление, – это посыл необходимого сигнала, сигнала, который должен быть напрямую направлен на самцов. Но почему самцам, которые, как предполагается, всегда заинтересованы в спаривании, требуется сигнал, побуждающий к совокуплению?

Ответ, вероятно, лежит в организации социальной системы обсуждаемых животных. Приматологи указывают на то, что сексуальные набухания встречаются только у приматов, обитающих на земле, как бабуины, макаки и шимпанзе, и живущих группами – несколько самцов соревнуются за самок, которые в меньшинстве⁶⁷. В то же время многие самки, живущие в группах с несколькими самцами, как, например, верветки, демонстрируют незначительные признаки овуляции или вовсе их не демонстрируют⁶⁸. Но набуханий нет у нескольких видов, где один самец вступает в отношения с одной или несколькими самками, таких как мармозетки, гиббоны и люди. В свете этой схемы разумно предположить, что у самок приматов развились набухания в качестве сигнала, когда им нужно привлечь внимание самца на расстоянии либо подстегнуть интерес самца, окруженного другими самками⁶⁹. Другими словами, если самка какого-либо вида относительно уверена в том, что удастся заполучить самца, ей не нужно специальных сигналов, чтобы привлечь сексуальное внимание.

⁶³ Недавно некоторые антропологи пытались изменить точку зрения, что обезьяны Нового Света и человекообразные обезьяны представляют собой отклонение отсутствием набуханий и паттернами поведения. Вместо этого эти ученые предположили, что обезьяны Нового Света представляют собой базовый род приматов, а обезьяны Старого Света, или мармышковые, являются более поздними созданиями. (Di Fiore and Rendall 1994; Strier 1994).

⁶⁴ Dixon 1983; Sillén-Tullberg and Møller 1993.

⁶⁵ Dixon 1983.

⁶⁶ Burt 1992.

⁶⁷ Clutton-Brock and Harvey 1976.

⁶⁸ Andelman 1987; Blaffer Hrdy and Whitten 1987; Small 1993.

⁶⁹ Burt 1992.

Что же остается людям? Хотя и возможно, что наши предки скрывали овуляцию и продлили свою способность заниматься сексом на протяжении всего репродуктивного цикла, чтобы самцы оставались рядом, сложно вообразить, как можно было заставить мужчин заниматься сексом только с одной женщиной, когда их биология говорит им распространять как можно больше своих генов с как можно большим количеством женщин. Мне представляется более вероятным, что наши мужские древние предки начали образовывать пары с древними женщинами несколько миллионов лет назад в качестве реакции на незрелорождающихся детенышей⁷⁰. Для мужчин успех размножения теперь тоже был связан с кормлением и защитой детей, требовавших заботы более чем одного взрослого. Я считаю, более вероятно, что у женщин вообще никогда не было указывающих на овуляцию набуханий, потому что они были приматами, живущими в группах, где мужчины были всегда под рукой.

Конечно, существует еще одна возможность. Вероятно, человеческие существа вообще не скрывали овуляцию. Конечно, у них нет больших розовых набуханий сзади, но кто может сказать, что такой очевидный сигнал является единственно возможным?⁷¹ Многие женщины признаются, что знают, когда у них происходит овуляция, и что их сексуальные реакции в середине цикла отличны (см. более детальное описание этого процесса в главе третьей). Мы представляем собой вид, облаченный в одежду, опрысканный дезодорантами и отмытый до чиста мылом и шампунем. Если сорвать с нас эти культурные покровы и развеять запахи, мы тоже можем, как и Люси, демонстрировать признаки овуляции, как шимпанзе во время течки.

Грудь как приманка

Остановитесь как-нибудь у газетного киоска и посчитайте количество выставленных напоказ грудей. Кажется, что они повсюду – на обложках журналов, в рекламе, в тематических статьях про увеличение или уменьшение груди. Женская грудь в нашей культуре – большой бизнес. У других млекопитающих – домашних кошек и собак или животных в зоопарке – тоже есть ткани, вырабатывающие молоко для кормления детенышей. Но только у человеческих женских особей есть жировые отложения вокруг сосков. Антропологи рассуждают о том, что грудь в ее современной форме играла значительную роль в нашей сексуальной эволюции.

Многие антропологи считают, что объемные и свисающие женские груди развились в качестве сексуального сигнала для мужчин⁷². На самом базовом уровне большая грудь является признаком способности к размножению; она указывает на то, что женщина достигла репродуктивного возраста. В этом есть некоторый смысл, поскольку у девушек грудь вырастает в период полового созревания, вместе с созреванием половых органов, когда становится возможным зачатие. Выступающие груди, таким образом, являются прямым сигналом их грядущей способности к оплодотворению. Возможно, как предполагают некоторые, жировые отложения в груди указывают на уровень питания женщины, что, в свою очередь, подает сигнал мужчине, что она может выносить и выкормить ребенка⁷³. Однако выработка молока, в противовес распространенному убеждению, не зависит от размера груди; размер не является признаком способности женщины к грудному вскармливанию. Другие предполагают, что мужчины обращают внимание на симметричные груди, груди с хорошими сосками, способными к долгому грудному вскармливанию⁷⁴. В человеческом грудном молоке мало протеинов, жиров и калорий, и наш вид приспособился к кормлению младенцев по требованию в течение дня; поэтому спо-

⁷⁰ Irons 1983; Lancaster and Lancaster 1987

⁷¹ Steklis and Whiteman 1989.

⁷² Anderson 1988; Cant 1981; Caro 1987; Caro and Sellen 1990; Gallup 1982; Low et al. 1987; Mascia-Lees et al. 1986.

⁷³ Caro 1987; Caro and Sellen 1990.

⁷⁴ Anderson 1988.

способность кормить так важна⁷⁵. Единственная проблема состоит в том, что не существует четкой взаимосвязи между формой и размером сосков и грудей и способностью к эффективному кормлению младенца. Суть в том, что даже если бы мужчины были заинтересованы выбрать женщину с лучшей грудью, приспособленной к длительному кормлению, нет никаких признаков, выделяющих «хорошую» грудь среди других. Таким образом, объемная свисающая женская грудь не могла развиваться под влиянием мужского интереса.

Возможно также, что объемная грудь не имеет ничего общего с подачей мужчинам нужного сигнала. Большая грудь могла быть просто складом для жировых отложений женщин, развивавшихся в период продовольственного кризиса⁷⁶. Наши человеческие предки ходили на далекие расстояния в поисках еды, и им нужны были жировые запасы для нескольких лет кормления грудью. Грудь, да и остальное тело женщины, если уж на то пошло, могли быть созданы, чтобы помогать накапливать жир. Более полные женщины всегда рожают более пухлых детей, а размер ребенка, конечно же, важен для выживания в жестком мире⁷⁷. Запасы жира находятся в груди и на бедрах человеческих женских особей, придавая им определенную женственную форму, что еще и немного упрощает вынашивание большого ребенка⁷⁸. С этой точки зрения, объемные человеческие груди не столько сексуальный сигнал мужчинам, сколько вспомогательный механизм, повышающий шансы женщины на то, чтобы сохранить ребенка живым и здоровым. Хотя наша европейская и американская культура подчеркивает грудь как нечто сексуальное, реакция мужчин на нее могла быть сформирована культурой, а не основывается на биологическом позыве. Объемные и свисающие груди могут на самом деле быть для женщин более важны, чем для мужчин, по крайней мере, с точки зрения эволюции.

Мужское снаряжение

У многих самцов млекопитающих есть в пенисе кость, которая называется бакулюм. По-видимому, эта кость развилась в результате эволюции, чтобы способствовать помещению спермы глубоко во влагалищный канал. По какой-то причине человеческие мужские особи утратили бакулюм на одном из этапов развития. Но они приобрели довольно большой пенис, в среднем 13 см длиной, что оставляет позади и шимпанзе, и горилл. Несмотря на размер человеческого пениса, яички у человека относительно малы – больше, чем у горилл, но намного меньше, чем у шимпанзе. Количество производимой спермы не зависит от размеров пениса, однако она зависит от размеров яичек. Человеческие мужские особи, например, вырабатывают меньше спермы, чем шимпанзе, но больше, чем гориллы⁷⁹. Тогда зачем мужчинам такой большой пенис? Одной из вероятностей является то, что большой пенис может отпугнуть других самцов⁸⁰. Мужчины тратят достаточно большое количество времени, конкурируя с себе подобными, иногда за доступ к самкам, и большой пенис мог быть призван демонстрировать агрессивную силу и быть ее мерилем. Эту идею поддерживает в какой-то степени тот факт, что во всех современных культурах мужчины прикрывают свои пенисы, даже если на них нет никакой другой одежды. Пенис приобретает большой размер только в период созревания, когда он начинает активно расти. Именно на данном этапе зрелости становится актуальной конкуренция между мужчинами. Возможно, пенис мужчины выполняет роль потенциального орудия угрозы, наподобие длинных клыков у обезьян.

⁷⁵ Short 1984.

⁷⁶ Mascia-Lees et al. 1986.

⁷⁷ Caro and Sellen 1990.

⁷⁸ Anderson 1988.

⁷⁹ Short 1981.

⁸⁰ Diamond 1992; Guthrie 1970.

Но существует и другая возможная гипотеза, объясняющая развитие большого пениса. Согласно этой гипотезе женские особи человека, озабоченные качеством полового сношения, выбирали в качестве сексуальных партнеров мужчин с большими пенисами, чем у других мужчин, обеспечивающими большее удовлетворение⁸¹. В результате большой пенис стал у нашего вида результатом естественного отбора. К сожалению, у этой интригующей гипотезы по сей день не существует доказательств. Мы до сих пор не знаем, почему люди выделяются среди своих обезьяньих родственников размерами пениса.

⁸¹ Short 1981.

Сценарий для человеческого сексуального животного

Естественную историю нашей сексуальности невозможно отделить от остальной части нашей человеческой биологии. Мы являемся большими двуногими млекопитающими, у которых рождаются чрезвычайно зависимые младенцы, вырастающие в зависимых детей. Успешность нашего размножения, то есть то, как мы передаем гены, эволюционировала на протяжении миллионов лет и сфокусировалась на этих крайне требовательных пакетах с генами, которые мы называем детьми. История отряда приматов – это история того, как детеныши становились все более и более незрелорождающимися и требующими заботы, и хотя мы не можем объяснить, почему эволюционировала данная форма животного, это, должно быть, разумная стратегия, раз она до сих пор сохранилась. Части этой головоломки заставляют предположить, что наши предки, возможно около двух миллионов лет назад, жили небольшими группами не связанных родственными узами самок и нескольких самцов, которые могли состоять в родственных отношениях⁸². Эти группы передвигались по саванне, входя в леса и выходя из них, собирая по дороге плоды. Возможно, они не защищали какую-то определенную территорию, поскольку большой размер их тел требовал больших участков земли, чтобы обеспечить им пропитание⁸³. На каком-то этапе эти ранние гоминиды и люди начали использовать мясо в качестве источника пищи. Возможно, вначале они были падальщиками, шедшими по следам львов и гиен, дожидаясь наступления ночи, чтобы все заснуло и они могли бы подкрасться и стащить тушу. Они уже были двуногими, поэтому могли легко унести мясо в безопасное место. Имея большой мозг, они стали прекрасными стратегами и использовали свое остроумие, чтобы выжить и добыть пропитание. Возможно, они также использовали навыки решения задач, чтобы уничтожать тех, кто посягал на их ресурсы и землю. И на каком-то этапе они стали организованными охотниками, художниками и программистами. А как складывались их отношения с другими членами группы?

Люди совсем не отличаются от других социальных животных. У них развиваются привязанности, они выбирают партнеров, занимаются сексом, производят на свет детей. Хотя нам и хотелось бы верить, что мы происходим от более уточенного рода, наши предки, как шимпанзе и гориллы, занимались сексом, потому что их к этому побуждали их гены. И наша древняя человеческая сексуальная система сформировалась в результате потребности собрать достаточное количество пищи, чтобы выжить и защититься от хищников. Ключи к нашей сексуальной биологии включают в себя разницу в размерах мужских и женских особей, которая была очень значительной 3 миллиона лет назад, но уменьшилась на протяжении поколений. Этот диморфизм указывает на полигамное наследие, где самцы вступали в отношения с несколькими самками, а у самок был доступ к нескольким самцам. Хотя некоторые считают, что мы перешли к более моногамному образу жизни, чтобы приспособиться к жизни с зависимыми детенышами, также возможно, что мы стали более склонны к парным отношениям в качестве родителей, но сохранили нашу отнюдь не моногамную сексуальную свободу даже по сей день. Отсутствие сексуальных набуханий гениталий у женских особей человека показывает, что сегодня, возможно, как и в нашем прошлом, женские особи гоминидов не демонстрируют способность к оплодотворению и сексуальную готовность. Но женские особи человека имеют длительную историю сексуальной гибкости. Мужские человеческие особи, как и другие самцы животных, имеют потенциал к довольно частому половому сношению, но по сравнению с другими животными на самом деле их потенциал достаточно низок (см. главу четвертую)⁸⁴.

⁸² Alexander 1990; Ghiglieri 1987.

⁸³ Foley 1987; Isbell and Young 1995.

⁸⁴ Short 1976.

Положение мужчин затрудняет малое количество сперматозоидов и длительные периоды восстановления для производства спермы, с одной стороны, и доступ к большой группе заинтересованных женских особей – с другой.

У обоих полов есть потенциал быть существами с довольно высокой сексуальностью. Наша сексуальность не привязана к какому-либо сезону или эструсу. Поскольку мужчины и женщины могут заниматься сексом, когда им заблагорассудится, секс чаще всего у нашего конкретного вида отделен от размножения. На самом деле, за последние 200 лет или около того прирост человеческого населения достаточно низок⁸⁵. Мы занимаемся сексом, но большая часть этого секса не ведет к зачатию. Люди вступают в репродуктивный возраст довольно поздно; у нас низкий уровень зачатия в каждом цикле; у нас длительные интервалы между рождением детей; мы давно используем средства контроля рождаемости и осознанно стараемся не зачинать. И в этом мы в какой-то степени отличаемся от других животных, для которых секс является чаще всего целесообразным способом передачи генов.

Наша способность заниматься сексом без последствий в виде деторождения – это очевидный факт, лежащий в основании района красных фонарей в Амстердаме и глухих улочек Бангкока. Секс развился в результате эволюции как реакция удовольствия, мотивирующая нас искать пару и передавать свои гены. Но эта приятная реакция обрела более широкое значение и стала отличительной чертой нашего вида. Мы являемся сексуальными существами, как и все остальные животные, но мы имеем склонность преувеличивать нашу сексуальность, как мы это делаем со многими другими видами нашего поведения. На данном этапе нашей эволюции сексуальность очень сильно определяет нашу культуру и наши жизни. В трех последующих главах я рассматриваю биологию, лежащую в основе нашей сексуальности, эволюционировавшей на протяжении многих миллионов лет. И сначала я задам самый фундаментальный из вопросов – почему же мы занимаемся сексом?

⁸⁵ Short 1976.

Глава 2

Насущная потребность

Один друг рассказал мне как-то, что среднестатистический человек думает о сексе каждые 15 секунд. Это один из тех непроверенных «фактов», которые обычно западают в душу. Иногда, когда я читаю большой курс по антропологии, это утверждение пробирается в мое сознание прямо посреди лекции, скажем, об использовании древними людьми инструментов. И мне неожиданно хочется узнать, о чем же думают мои студенты. В то время пока я пытаюсь объяснить, почему двусторонний топор представляет собой важный этап в истории эволюции, я представляю этих восемнадцатилетних ребят погруженными в сексуальные фантазии. Вспоминают ли они приятные моменты с прошлых выходных или же оценивают соседа по парте в качестве партнера для следующих? И разве в этот момент, когда я обдумываю эти вопросы, не трачу ли я сама драгоценное время на сексуальные мысли, размышляя о сексуальных фантазиях моих студентов? Тогда я осознаю, что я совмещаю два этих занятия – размышляю о сексе и читаю лекцию.

Хотя наше сексуальное «я» и является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, оно проявляется в самые неожиданные моменты, возникая, казалось бы, из ниоткуда. Мы проживаем день, справляясь с ежедневными задачами, принимая миллион маленьких решений – выбирая, что приготовить на обед; пытаюсь определить, почему плачет ребенок; размышляя, как пройдет презентация на работе; придумывая, чем бы интересным заняться на выходных. А в эти мысли и действия вплетается наша сексуальность. Кто-то из нас думает о сексе часто и реализует эти мысли, тогда как другие проводят часы, дни или месяцы, кажется, без малейшего сексуального импульса. Но вне зависимости от временных промежутков или интенсивности наших мыслей или фантазий, сексуальность – это ежедневный вопрос, стоящий перед каждым индивидом; вопрос, который подчас занимает наши мысли, фантазии, воспоминания, влечет за собой планирование и подготовку и наполняет нас надеждой, разочарованием, счастьем и отчаянием.

Провокация

Что это за странное чувство, которое поднимается неизвестно откуда? Некоторые из нас интересуются, почему мы не можем прожить жизнь, игнорируя нашу сексуальную сторону и занимаясь тем, чтобы просто жить? Мы не можем этого сделать, потому что стремление заниматься сексом является частью нашей врожденной природы. Полезно будет сравнить сексуальное желание с другим нашим базовым человеческим инстинктом – желанием есть. Вы можете беззаботно гулять по улицам, пока в какой-то момент не ощутите резь в желудке – сигнал мозгу, что пора поесть. Прямо по курсу киоск с сэндвичами, вы останавливаетесь и выбираете ржаной хлеб с индейкой. Но сигнал, побудивший купить сэндвич, гораздо сложнее. Ваш желудок на самом деле говорит, что в крови упал уровень сахара, возможно потому, что уже прошло несколько часов с того момента, как вы употребили достаточно топлива, чтобы поддержать его на удовлетворительном уровне. По каким-то неизвестным причинам сегодня вам захотелось индейки с ржаным хлебом, а не кусок пиццы. Хотя мы и считаем, что понимаем весь этот цикл «голод – еда – желание – удовлетворение», среднестатистический человек обычно не задумывается или не понимает каждой из составляющих этого цикла в отдельности. Ученые тоже не могут объяснить, почему в один день человеку хочется съесть сэндвич с индейкой, а в другой – пончик. Большинство специалистов предполагают, что удовлетворение от еды является смесью химических изменений в организме, психологических и основных биологических реакций. В этом смысле секс является похожим по сути импульсом, он тоже включает в себя химию, психологию и основную биологию. Объединяясь, эти несколько факторов объясняют наше сексуальное желание. Хотя ни один из них сам по себе не отвечает за сексуальное возбуждение, вместе они становятся сигналом, мотивирующим к этому сексуальному стремлению.

Меня заставили это сделать гены

Кажется, газеты объявляют об открытии связи между определенным геном и какой-либо болезнью или типом поведения практически каждый день. Например, депрессия, гемофилия, миотоническая дистрофия, амавротическая идиотия и многие другие состояния были привязаны к определенным генам в определенных хромосомах. В последующие 15 лет проект «Геном человека» предположительно сможет составить приблизительную карту нашей ДНК и выявить участки хромосом, отвечающие за многие другие болезни и наследственные черты. Кроме того, в последнее время имел место настоящий шквал исследований, посвященных возможной связи гомосексуальности и генов. Предположение состоит в том, что, если гомосексуальность имеет генетический компонент, его должны иметь и гетеросексуальность или любой другой тип сексуальности. И если это правда, генетическое исследование потенциально может раскрыть нам множество секретов нашей сексуальности. Но, естественно, ни человек, ни какое-либо другое животное не являются машинами, управляемыми генами.

Генетическая основа поведения

Хотя генетическая карта, возможно, в скором времени сможет указать нам на определенные неисправности в нашей ДНК, она не сможет объяснить большую часть нашего поведения. Потому что мы – как и все животные и растения, раз уж на то пошло, – являемся результатом сложного взаимодействия генов и окружающей среды. Макаки, обезьяны, которых я изучаю, ведут свою жизнь сквозь лабиринт иерархических взаимоотношений. Животные с высоким статусом имеют лучший доступ к еде, партнерам и укрытию. У них также есть власть в их сообществе; обезьяны рангом ниже хотят сидеть с ними рядом или прибегают к их помощи

в драках. Животные с низким статусом второстепенны, менее здоровы и не производят большого количества отпрысков. Молодые самки навсегда остаются в своей родной группе, а самцы покидают ее по достижении половой зрелости и вступают в соседние группы. Приматологи отмечают: дочь имеет в группе такой же статус, что и ее мать; если статус матери высок, то он высок и у дочери, и наоборот. Другими словами, дочери макак обычно «наследуют» социальный статус от матерей. Это не значит, что в хромосомах макак есть ген, определяющий их социальный статус. Просто дочери наблюдают и определяют место матери в сообществе и ведут себя соответственно. В то же время в социальной позиции есть реальный генетический компонент. Размер, здоровье и определенные способности закодированы в генах, а это тоже вносит вклад в то, как ведет себя макака и какого положения она может достичь. Когда молодые самцы покидают стаю, у них рядом нет матери, помогающей определить их место в сообществе. Но размер их тела, боевые качества и поведение, которое они усвоили в детстве, определяют, какое место во взрослой иерархии займет самец. Поскольку гены и окружающая среда взаимосвязаны с положением в обществе, иерархия в сообществе определяется динамическим взаимодействием сородичей. Самка может изменить свою позицию, вступив в драку, и продвигнуться вверх по социальной лестнице или упасть в своем статусе по многочисленным причинам. Самец никогда не может предсказать свой статус, меняющийся год от года. Возможно, существуют гены, вносящие вклад в социальный статус, но эту систему выстраивает взаимодействие генов с окружающей средой.

Этот же сценарий применим и к поведению человека. В нашем поведении может присутствовать генетический компонент, но даже если здесь и задействованы гены, окружающая среда оказывает свое влияние. Наша сексуальность может иметь генетическую основу, но то, как мы растем, кем мы являемся, и культура, в которой мы живем, так же важны для формирования нашего сексуального «я».

Другой причиной невозможности проследить прямую взаимосвязь генов и поведения, является то, что не существует четкого соответствия между каким-либо участком ДНК и определенным поведением. Относительно просто создать генетический рецепт для чего-то вроде инсулина или гормона человеческого роста, потому что они являются определенными химическими комбинациями ДНК. Но невозможно указать определенные гены для схем поведения, потому что поведение является комбинацией решений и событий, а не простой химической реакцией. Какова, например, последовательность ДНК для такого сложного поведения, как смех? Я могу категорически утверждать, что не существует определенного гена смеха. Но значит ли это, что наше генетическое строение не имеет ничего общего с тем, как и почему мы смеемся? Нет. Гены определенно с этим связаны. У нас есть гены, позволяющие воспринимать произнесенные слова в качестве шутки, реагировать улыбкой и переводить наше дыхание в серию по-дурацки звучащих выдохов. Единственные животные кроме человека, которые регулярно над чем-то смеются, это шимпанзе, а у шимпанзе много тех же генов, что есть у нас.

По существу, предположение, что один ген соответствует одному типу поведения, является ложным. Так же как и никакой ген не питает сексуальное поведение. Ученые могут когда-нибудь ясно показать связь нашей сексуальной ориентации и определенного участка нашей генетической карты⁸⁶, но пока невозможно определить, где на каждой хромосоме расположен ген, побуждающий нас заниматься сексом. Но то, что мы не можем указать определенный участок ДНК на определенной хромосоме, связанный с сексуальным поведением, не значит, что гены не имеют с ним ничего общего. Совсем наоборот. На самом деле гены напрямую связаны с

⁸⁶ В главе шестой я оцениваю проводимые в настоящее время исследования возможности существования биологической основы гомосексуальности, включая недавние исследования по генетике гомосексуальности. Хотя исследователи специально обращались к вопросу гомосексуальности, никто не рассматривал гетеросексуальность.

тем, почему мы занимаемся сексом; они являются тем самым спусковым механизмом, побуждающим нас искать и образовывать пару.

Выбирая секс

Никому не нравится слышать, что что-то направляет их поведение или их жизнь помимо их собственной свободной воли. Это особенно справедливо для западного общества, где свободная воля является основным принципом политической и экономической системы. Я не удивлюсь, если у кого-то из читателей возник рефлекторный мысленный протест против моего предположения, что гены лежат в основе нашего желания заниматься сексом. Но, с точки зрения биолога, основной причиной, фундаментальной причиной, почему мы занимаемся сексом, является то, что нас к этому побуждают наши гены⁸⁷. Если это предположение звучит так, будто мы являемся поведенческими автоматами,двигающимися от одного тела к другому, не задумываясь, раздвигаем ноги или распространяем сперматозоиды, это совсем не то, что я имею в виду. Но задумайтесь на минуту о сексе у других видов животных, например ящериц. Если я скажу, что ящерицы спариваются, потому что их гены запрограммированы на то, чтобы каждая ящерица нашла себе пару и произвела себе подобных, никто и глазом не моргнет. Потому что вид брачных игр ящериц определенно не вызывает в воображении романтической картинки разделения ящерицами совместного удовольствия или их цели скрепить особые отношения. Вместо этого мы видим работу Природы в действии. Возможно, я могла бы относительно легко убедить вас, что эти ящерицы в биологическом плане являются двумя спиралями ДНК, объединяющимися, чтобы воспроизвести свою ДНК и передать ее дальше. Но когда я предполагаю, что та же запрограммированность ДНК лежит за всем безумием, которое у нашего вида называется любовью, люди ошарашиваются. Нам хотелось бы верить, что совокупление людей является чем-то более возвышенным, более значимым взаимодействием тел и душ, чем у других животных. Часто это может быть и так. Но в глубине, под всей этой любовью и соблазном, лежащими в основе привязанности и интимности, только давление ДНК.

⁸⁷ Dawkins 1976; Wilson 1975.



Нечто глубоко внутри нас заставляет нас привлекать партнера и заниматься сексом, потому что наша внутренняя биология подталкивает нас передавать гены (фото Д. Хэтч)

Размножение половым путем

С тех пор как первый одноклеточный организм соединил свою ДНК с другой клеткой, представители разных полов объединяются, чтобы передавать гены. В этом мы, люди, не отличаемся от ящериц или обезьян. Мы подчиняемся желанию заниматься сексом, потому что все создания, размножающиеся половым путем, передавали гены этим путем до нас. Как ни странно, никто на самом деле не знает точно, почему и как вообще возникло половое размножение⁸⁸. Давным-давно все организмы размножались делением, то есть создавая свою копию подобно копировальному аппарату, делясь на генетически идентичные клетки, передавая точные копии самих себя в последующие поколения. На каком-то этапе, около 3 миллиардов лет назад, некие одноклеточные организмы объединились. Возможно, им нужна была чужая ДНК, потому что их собственная была повреждена солнцем, или, возможно, им не хватало питательных веществ и они использовали другие клетки в качестве добычи; в любом случае, изначальная клетка, поглотив другую, теперь содержала новую ДНК. Это была древняя версия полового размножения⁸⁹. Получившаяся в результате клетка не была точно такой же, как исходные; она имела доселе невиданную генетическую схему, потому что являлась комбинацией «родительских» схем. Но почему это давало преимущество в выживании, и почему половое размножение продолжило развиваться у большинства организмов? Большинство биологов сегодня верят, что размножение в результате встречи клеток было удачным изобретением, которое давало определенные преимущества, чтобы справляться с миром, который стал более сложным. Например, создания, воспроизводившиеся путем полового размножения, а не делением, производили отпрысков со смесью генов от разных родителей. В условиях меняющейся окружающей среды или в местах с новыми возможностями окружающей среды эта вариативность

⁸⁸ Williams 1975.

⁸⁹ Margulis and Sagan 1985; Margulis and Sagan 1988; Maynard Smith 1978; Williams 1975.

определенно должна была давать преимущества⁹⁰. Смещение генов должно было также способствовать выживанию в опасном мире вирусов и болезней⁹¹. Вирусы и бактерии обладают удивительной приспособляемостью; каждый раз, когда организм придумывает способ побороть вирус, тот эволюционирует во что-то новое. Имея набор разных генов, организмы, размножающиеся половым путем, возможно, лучше справляются с этими микроскопическими захватчиками. Преимущества размножения половым путем актуальны и по сей день, поскольку большинство высших организмов размножаются именно таким образом; это побуждение искать кого-то, объединяться, производить отпрыска с различной историей ДНК теперь тщательно закодировано в наших генах.

Значит ли это, что единственное объяснение человеческого полового акта у нашего вида лежит в цепочках ДНК, скрывающихся в каждой клетке нашего тела? Неужели мы только биологические роботы, исполняющие половой акт лишь для того, чтобы передавать гены? Конечно нет. Люди в большой степени отделили секс от размножения и связали сексуальность со множеством вещей, не имеющих отношения к размножению, например браком, эмоциями любви, деньгами и многим другим. Но эти разнообразные и бесцельные в плане размножения связи не до конца растворяют нашу глубинную животную природу.

Передавая гены

Каждый когда-нибудь наблюдал брачные игры животных. Для тех, кто живет на ферме, спаривание коров, кур, кошек и собак – это ежедневное событие. Горожане также не ограждены от брачных игр животных. Вероятно, каждый из нас был в неловкой ситуации, когда пес принял его ногу за подружку. Недавний случай в моей жизни, имевший отношение к сексу и размножению животных, был связан с попугаем-кореллой по кличке Эйнштейн, питомцем друзей. По-видимому, определить пол у птиц практически невозможно, и Эйнштейн получила свою кличку, потому что-то хозяева посчитали ее самцом. Но однажды Эйнштейн начал нести яйца. Мы нависали в изумлении над ее клеткой, подбирая розовато-белые шарики, которые она откладывала в течение недели. Конечно, они не были оплодотворены, потому что Эйнштейн жила одна, но ее яйца – это убедительное доказательство того, что связанные с размножением процессы идут даже при отсутствии секса. Владельцы животных, живущие в городе, знают, что если они не предпримут что-то, чтобы обуздать естественные желания своих питомцев, то окажутся вовлечены в их сексуальные подвиги. Мы кастрируем котов, потому что самцы начинают гулять, если их яички не отделить от мозга, и мы стерилизуем кошек, чтобы им не приходилось корчиться и стонать в попытке привлечь ухажеров. В окружающем нас животном мире мы наблюдаем сексуальное поведение, которое кажется нам автоматическим. Когда у кошки начинается течка, она ищет самцов. Когда кобель обнюхивает суку, он пытается на нее взобраться. Эйнштейн несет яйца даже при отсутствии партнера. Тем не менее мы воображаем, что поведение людей в этой области менее «животное»; мы верим, что высокий интеллект служит посредником между зовом генов и сексуальным поведением.

В результате люди отделяют себя от других животных, особенно в области секса. Мы верим, что наш вид каким-то образом менее вынужден, с точки зрения биологии, чем другие животные, заниматься сексом. Вместо этого люди часто оборачивают сексуальность в любовь и романтику, чтобы скрыть основную реальность размножения. Хотя этот акт у нас менее спонтанный и мы, по крайней мере минимально, задумываемся, прежде чем заняться сексом, мы тоже подвластны биологии. Да, мы принимаем решения по поводу секса и по поводу партнеров для секса, но, как и у наших домашних питомцев, фундаментальное желание заниматься

⁹⁰ Maynard Smith 1971; Maynard Smith 1978; Maynard Smith 1988.

⁹¹ Bernstein, Hopf and Michod 1988; Hamilton 1988; Hamilton et al. 1990.

сексом основано на наших генах, поощряющих нас передавать копии своих ДНК; это часть нашей сущности, как и сексуальные позывы любого животного. Возможно, в нашем мозге и больше нейронов, чем у самки попугая, у которой не возникает осознанных мыслей о сексе, но тем не менее встающей в позу, чтобы принять самца во время брачного сезона, и мы не зовем самцов из-за ограды и не обнюхиваем самок у соседнего гидранта; но все же потребность в сексуальном сношении в своей основе такая же. Если бы в нас не было запрограммированного желания искать пару и передавать гены, мы бы вообще не занимались сексом⁹². «Хорошие», с эволюционной точки зрения, гены – это те, которые пробиваются в будущие поколения; это стремление заложено в них природой. Гены, которые менее успешны в том, чтобы индивид, частью которого они являются, передал их, погибают по определению. Поэтому это процесс самоопределения. Гены, обеспечивающие вступление животного в половые отношения, гарантируют себе средство передачи. Так они и поступают, тогда как другие гены, пропускающие брачный сезон или не мотивирующие индивида найти подходящего партнера, остаются вне игры. Так работает эволюция на уровне сексуального поведения. Но хотя наши гены и объясняют наше желание воспроизводиться, объясняют ли они современную одержимость сексом?

Сексуальное удовольствие

Если абстрагироваться от генов, почему люди вообще занимаются сексом? Ну, потому что это приятно, ответил бы кто-то. Я задала бы встречный вопрос: «А почему это приятно?» По какой-то причине наш мозг и тело связывают физическое удовольствие и удовлетворение с сексуальным сношением. Эта взаимосвязь тоже сформирована в ходе эволюции. Сексуальное возбуждение – это специфическое ощущение, будоражащее гениталии, требующее дальнейшей стимуляции и молящее об окончательном облегчении. Суть в том, что фактор удовольствия связан с сексом, потому что нам требуется мотивация заниматься сексом, чтобы происходило размножение. Сексуальное удовольствие – это лишь физиологическая реакция, развившаяся на протяжении миллионов лет, чтобы сделать гениталии чувствительными, а тело – способным испытывать оргазм. Без этой составляющей удовольствия у нас бы не было такого мощного стимула к сексу. И если кому-то все равно, то его или ее гены не будут переданы, а исчезнут в следующем поколении. Другими словами, удовольствие в качестве мотивирующей силы для полового акта является частью той же человеческой ДНК, которая гарантирует, что мы спариваемся.

Давайте сравним сексуальный инстинкт с другим человеческим инстинктом – потребностью в еде. Нам нравится есть. Мы часто съедаем больше, чем нашему телу нужно, чтобы выжить. Большинство того, что мы едим, имеет приятный вкус, и когда у нас есть выбор, мы выбираем вкусные блюда. Гены наших предков запрограммировали наше тело мысленно реагировать на вкус еды, распознавая определенное удовлетворение вкусовых и пищеварительных рецепторов, которые, в свою очередь, заставляют нас есть. Если бы нам не нравился вкус еды, если бы она не давала нам такого огромного чувства физического и психологического удовлетворения, возможно, мы не были бы так склонны есть и, потенциально, умерли бы с голоду. Эволюция дала нам чувство вкуса, заставляющее нас есть разнообразную пищу, и конечная цель поддержания жизни в нашем организме обеспечивается вкусной едой. Точно так же наши гены сделали секс приносящим удовольствие, конечной целью чего является передача генов. Гены не обладают сознанием, у них нет морали. Гены созданы для того, чтобы воспроизводиться и передаваться. Если индивид решает не размножаться или по какой-то причине неспособен к этому, эти гены потеряны для будущих поколений. Их потеря важна только с точки

⁹² Dawkins 1976.

зрения эволюции, потому что любой вид состоит из общего набора всех генов, а потерянные гены не добавляют этому набору своих черт.

Биология вожделения

Странно, как какое-то чувство может завладеть нами в любом месте в любое время. Вот вы сидите в кафе, пьете кофе, читаете утреннюю газету и неожиданно чувствуете волну сексуального возбуждения. Кажется, что этот внутренний голос возник из ниоткуда – в газете нет ничего хоть мало-мальски эротичного, за соседним столом не сидит привлекательная женщина или сексуальный парень, а вы сами вообще еще не до конца проснулись. Одной из причин, почему наша сексуальность является такой загадкой, является то, что наше желание возникает в самые неожиданные моменты. Легко понять, почему возбуждает эротический фильм или вид привлекательного потенциального партнера в обтягивающих джинсах, облокотившегося на стойку бара, но почему это желание часто возникает будто из ниоткуда? На самом деле, как и все остальные животные импульсы, как голод или желание спать, оно не возникает из ниоткуда. У этого чувства есть источник, но только определить его сложно.

Половое влечение

У каждого есть половое влечение, или либидо. Но, как и у всех других животных, реакция на это либидо у людей сильно различается⁹³. Средства массовой информации хотели бы заставить всех поверить, что каждый из нас – такая секс-машина, постоянно озабоченная сексом, но это не так. Как и с тягой к другим вещам, скажем, шоколаду или знаниям, мы различаемся в том, насколько мы заинтересованы в сексе. У каждого из нас есть определенный уровень «сексуальной возбудимости», или способности отвечать на эротическую стимуляцию, и те, у которых уровень возбудимости высок, будут более мотивированы искать сексуальных сношений. Пока никто не знает, почему половое влечение у одних людей выше, чем у других. Это может быть биологическим различием, чем-то, заложенным с рождения, или различием, зависящим от воспитания. Конечно, каждый из нас сталкивался с конфликтами в этой связи. Ничто не приводит в отчаяние так, как отношения с партнером, обладающим отличным от вашего уровнем полового влечения. Любой разумный человек, столкнувшись с тем, что ему постоянно отказывают, может предположить, что партнер не находит его привлекательным. Или же менее заинтересованный партнер может назвать поведение второго партнера «странным», «ненормальным» или «сексуально озабоченным». Когда я думаю о трудностях, присущих отношениям двух несовпадающих в сексуальном плане людей, я вспоминаю сцену из фильма Вуди Алена «Энни Холл», где Энни и Вуди беседуют каждый со своим психотерапевтом, а мы видим их сеансы на экране одновременно. Энни говорит с отчаянием: «Мы постоянно занимаемся сексом – три раза в неделю». А Вуди говорит с тем же отчаянием своему психотерапевту: «Мы вообще не занимается сексом – всего раза три в неделю». Суть в том, что у каждого из нас определенный уровень мотивации к сексу. Возможно, есть что-то среднее, но это не норма, потому что понятия нормы не существует. Половое влечение человека – это шкала от «никогда не заинтересован» до «всегда заинтересован», и у каждого из нас на этой шкале своя отметка. На наше определенное половое влечение влияют биология, психология и самые различные навязчивые области нашей жизни. Никто не удивится, если я предположу, что люди различаются такими качествами, как интеллект, чувство прекрасного, аппетит, эмоциональная чувствительность или физическая сила. Половое влечение – это одна из схем поведения, которая варьируется точно так же.

⁹³ Bancroft 1980; Whitters and Jones-Whitters 1980.

Логика либидо

Хотя степень полового влечения у каждого из нас может быть индивидуальной, но основной механизм либидо у нас один и тот же. Психиатр и сексолог Джон Бэнкрофт рассматривает половое влечение как взаимодействие между тем, что происходит в нашем организме, и различными внешними стимулами⁹⁴. Как и я, он сравнивает его с аппетитом к еде. Сахар в крови падает и наш желудок ворчит, когда калории не поступают в организм в течение какого-то времени. Внешние стимулы, такие как аромат пекущегося печенья с шоколадной крошкой или изображение на экране телевизора картошки-фри в масле, могут подстегнуть уже возникший голод или вызвать у человека с полным желудком новое чувство голода; очевидно, что эти внешние факторы действуют на аппетит: они вызывают у нас слюноотделение на жиры и сахар. В то же время и внутреннее стремление съесть салат, и внешний стимул съесть шоколадный батончик, спровоцированный рекламой сникерса, могут быть отодвинуты на второй план психологическими причинами – обеспокоенностью, что в итоге вы будете выглядеть, как детеныш бегемота, если отдадитесь на волю своей тяги к фастфуду, например. Бэнкрофт рассматривает половое влечение под тем же углом. Движущей силой является основной инстинкт заниматься сексом, внутренний голос, требующий секса, является частью здоровой жизни, которой управляют гены, толкающие нас к воспроизведению. Внешних сексуальных факторов в нашей культуре множество – практически любой вид, запах или звук, когда он сочетается или ассоциируется с правильно подобранным сексуальным образом, может быть воспринят как сексуальный и возбуждать наш основной сексуальный инстинкт. Но половое влечение также может быть запросто отмечено психологическими факторами – призраки прошлого, помехи или утомительный день на работе. Таким образом, половое влечение похоже на аппетит. Прежде и важнее всего, что оба являются основными инстинктами: один – чтобы питать и поддерживать наш организм, а второй – передавать гены. На оба из них влияют внешние факторы, такие как вид, запах, и оба они могут быть отодвинуты на задний план или простимулированы психологическими факторами.

Если у каждого из нас есть определенный уровень полового влечения, этаким инстинкт, который может быть запущен чем-либо, как же он работает? Сцена в кофейне, описанная выше, – отличная отправная точка, потому что ее роль в сексуальном возбуждении не так невинна, как кажется на первый взгляд. Допустим, наш объект наблюдения – мужского пола. И вот, он сидел тихонько и занимался своими несексуальными делами, когда голосок изнутри пробудил в нем сексуальное желание. Этот голос не появился из ниоткуда. Мужчину мог подтолкнуть к сексуальным мыслям просто запах кофе. Предположим, что последний раз у него был секс вечером прошлой пятницы. Он отправился в кино со своей девушкой, а затем они зашли в кафе. Они оба съели по куску шоколадного торта и запили его эспрессо. Потом они отправились домой и страстно занялись любовью. Мысли о сексе переплелись с запахом кофе, ушли в его подсознание и были вызваны обратно ароматом его утреннего эспрессо. Я не хочу сказать, что ассоциация между кофе и сексом теперь составляет постоянную связь в мозге этого мужчины. Нет. Но по крайней мере в этот момент данного утра эта взаимосвязь вызвала сексуальную искру.

Все наши сексуальные импульсы сперва запускаются внешними стимулами. Исследователям трудно предсказать, что это может быть за стимул. И это общая проблема для всех млекопитающих. По мере того как размер нашего мозга на протяжении миллионов лет увеличивался, мы, млекопитающие, приобрели маневренность мозга и в сексуальной сфере, и во всех

⁹⁴ Bancroft 1980.

мыслительных направлениях⁹⁵. Увеличенный объем и сложность мозга позволяют нам обдумывать сложные задачи и решать экологические и социальные проблемы; это также означает, что мы немного менее «прямолинейны» в своих мыслительных процессах, чем другие существа, которым не приходится обдумывать каждый раз поступившую информацию, прежде чем отреагировать. Другими словами, большой мозг может быть тяжелой ношей. Корни нашей сексуальной мотивации и реакций в некотором смысле более запутаны, чем у других животных, из-за этого большого фильтра – мозга, через который проходят наши сексуальные импульсы. У змей, например, довольно просто провести прямую линию между определенным импульсом и желанием к спариванию. Самец змеи, обладающий небольшим мозгом, видит самку в подходящей позе, и его мозг по сути говорит: «Забирайся на нее». Но что на самом деле возбуждает млекопитающих с большим мозгом, зачастую определить невозможно. А поскольку у людей самый крупный мозг, существуют миллионы нейронов, реагирующих в ответ на любые стимулы, возбуждающие нашу сексуальность. Альфред Кинси, известный сексолог, опросивший тысячи американцев в 50-е годы XX века на тему их сексуального поведения, утверждал, что практически всё в мире может быть для кого-то сексуальным стимулом⁹⁶. Некоторых людей возбуждает запах кожи или букет роз, тогда как нейроны других зажигает запах кофе. И то, что сегодня может быть обычным словом, запахом или изображением, завтра обернется эротикой. Сексуальные ассоциации со всеми этими стимулами базируются на нашем предыдущем опыте и условиях и том, что наша культура определяет как сексуальное. Например, в Америке считается возбуждающей обнаженная грудь, тогда как на Бали просто вид выставленной на всеобщее обозрение груди ничего особо не значит, а вид женских гениталий является сексуальным стимулом во всем мире⁹⁷.

Сексуальные ощущения

Хотя люди чувствительны ко множеству сексуальных стимулов, некоторые их формы более мощные, чем остальные. По-видимому, люди больше подвержены влиянию прикосновений, чем каких-либо других стимулов. Вид или запах могут запустить сексуальное возбуждение, но желание, прежде и важнее всего, превращается в мощную потребность к прикосновениям. Прикосновение не должно быть опосредовано высшими центрами мозга и поэтому может запустить сексуальную реакцию⁹⁸. И некоторые участки нашего тела развиты специально для сексуальной стимуляции. Эрогенные зоны – губы, ягодицы, гениталии и т. п. – приспособлены, чтобы быть нервными окончаниями сексуальных переживаний. При прикосновении к этим областям сексуальное желание усиливается. Эта гиперчувствительность к тактильным ощущениям видна также в других областях нашей человеческой природы. Являясь социальными существами, люди часто контактируют с другими людьми. В отличие от многих млекопитающих, люди и большинство других приматов живут в группах и часами находятся в контакте со своими сородичами. Наша потребность в прикосновениях отражена и в нашей анатомии. В результате эволюции мы утратили когти, вместо этого у нас пальцы, на которых есть ногти и мясистые, очень чувствительные подушечки, играющие роль физического радара⁹⁹. Нам нравится держаться за руки, сидеть рядом, прикасаться к друзьям, проходя мимо. Мы дажежимаем руки, чтобы заключить сделку или поздороваться и попрощаться. Прикосновения используются людьми каждый день, чтобы продемонстрировать интимность, потому что

⁹⁵ Whitters and Jones-Whitters 1980.

⁹⁶ Kinsey et al. 1953.

⁹⁷ Ford and Beach 1951.

⁹⁸ Bancroft 1983.

⁹⁹ Jolly 1986; Martin 1990.

они являются физиологическими ощущениями, которые нейроны нашего мозга получают от кончиков пальцев и регистрируют как близость. Таким образом, разумно, что наши чувствительные пальцы будут получать сексуальную стимуляцию при прикосновениях к коже другого и что другие части нашего тела, в свою очередь, будут отвечать на прикосновения нежных пальцев, тянущихся к нам в поисках контакта.

Кроме того, сексуальную реакцию у людей вызывают визуальные стимулы. Это также разумно в свете нашей примитивной природы. Мы являемся приматами, отошедшими в процессе эволюции от жизни на деревьях. Одним из признаков нашей принадлежности к приматам является то, что мы полагаемся на зрение, включая различение цветов и видение перспективы. Нашим древним предкам необходимо было выбирать спелые фрукты и быть в состоянии зрительно проследить местонахождение своей стаи. Кроме того, им нужно было прыгать и качаться с ветки на ветку, временами передвигаясь быстрее, чем хищники по земле. В результате у нас острое зрение¹⁰⁰. Наши глаза обращены вперед, где они получают изображение, которое отправляют в оба полушария мозга. Глаза приматов также удобно размещены в черепе, защищены гнездом из кости, что говорит об их высокой ценности. Мы можем видеть не так хорошо, как орлы или соколы, которые замечают полевую мышь с верхушки дерева, но мы все же полагаемся на наше зрение, чтобы обрабатывать информацию о мире. Если мыши показать фотографию ее спаривающихся сородичей, она особо на это не отреагирует, потому что у нее нет зрительной способности распознать, что этот кусочек бумаги изображает брачные игры мышей, а ее мозг все равно не сможет обработать эту информацию. Люди же легко возбуждаются при стимуляции визуального канала. Сексуальные сцены включают в фильмы, потому что мы являемся жертвами своего наследия обитания на деревьях, давшего нам высокую остроту зрения, как и большой мозг, чтобы интерпретировать и переживать эмпатию с изображающимся изображением двух звезд кино в постели.

Обоняние, если отвести в сторону кофейные ассоциации нашего объекта наблюдения, активирует сексуальные центры человеческого мозга с меньшей силой, чем прикосновения и зрение. В ходе эволюции мы частично утратили обоняние, но приобрели большую зрительную активность. В частности, мы утратили вомероназальный орган, транслирующий реакцию на запахи напрямую из принимающего органа – носа – в лимбическую систему мозга¹⁰¹. В результате обоняние у приматов развито неважно. Взгляните на свое лицо – небольшой размер носа должен о чем-то говорить. Сравните свое лицо с мордой собаки. Вот животное, для которого обоняние – вопрос жизни и смерти. Человеку или любому примату сложно вообразить мир собак, потому что в их мире главную роль играют запахи. Собаки чувствуют запах еды, людей и других собак, и чем более резкий запах, тем лучше. Запах – это также причина того, что кобеля привлекает сука в период течки. Для людей аромат должен быть достаточно сильным и привязанным к определенному воспоминанию, чтобы играть роль сексуального стимула. Но это не значит, что запах совсем не имеет значения. Для некоторых мужчин и женщин парфюм может быть сексуальным триггером; конечно, производители духов надеются, что в каждом из нас есть что-то от собак. Мы выделяем запахи пота, мочи, кала, дыхания, слюны и кожи¹⁰². Кроме того, во влагалище женщины вырабатываются летучие жирные кислоты, изменяющиеся на протяжении менструального цикла и, по-видимому, оказывающие на него влияние (см. главу третью). В одном из классических исследований подопытных просили носить футболку в течение 24 часов, не используя дезодорант¹⁰³. После каждому предложили выбор – их собственная футболка или футболка незнакомого мужчины или незнакомой женщины. 81 % из

¹⁰⁰ Martin 1990.

¹⁰¹ Bancroft 1983; Martin 1990.

¹⁰² Doty 1981.

¹⁰³ Russell 1976.

16 мужчин выбрали собственную футболку, но только 69 % из 13 женщин смогли определить свою футболку по запаху. Все подопытные довольно хорошо смогли отличить мужскую футболку от женской. Ясно, что запах не играет такой же большой роли в нашей сексуальной жизни, как у других животных, но это не значит, что запах совсем не оказывает воздействия на сексуальное возбуждение или выбор партнеров.

Слух, как и обоняние, – это еще одно чувство, которое не особо важно в качестве сексуального стимула для человека. Естественно, определенная музыка «сексуальна», но просто звучание этой музыки не будет иметь сексуального воздействия без зрения или осязания. И некоторые голоса, например по телефону, могут стимулировать. Но все же звуки не так важны для приматов, как прикосновения.

Хотя осязание и зрение являются для людей основными путями сексуальной стимуляции, одной из отличительных черт нашего вида и, возможно, одним из проклятий является способность к сексуальному возбуждению практически от чего угодно¹⁰⁴. Хотя большинство стимулов являются общими для всех нас – обнаженные тела, запахи тех, к кому мы испытываем вожделение, воспоминания о потрясающем сексе, – другие являются особенностью меньшинства. Большинство из нас считает резину отличным материалом для шин, а голые ноги – конечностями, которые неплохо бы обуть, но других эти объекты заставляют испытывать сексуальное возбуждение. Сложность человеческой психологии объясняет сексуализацию некоторых объектов, но здесь важно отметить, что одной из черт нашей человеческой сексуальной природы является способность наделять сексуальностью практически все, что ни придет на ум¹⁰⁵. Однако на стимуляцию наши тела реагируют практически одинаково. Механика сексуального возбуждения является универсальной, мало различающейся у мужчин и женщин, африканцев и европейцев, гетеросексуалов и гомосексуалов.

¹⁰⁴ Avers 1974; Bermant and Davidson 1974.

¹⁰⁵ Bancroft 1983.

Телесная горячка

Обычно сексуальное возбуждение характеризуется изменениями, затрагивающими гениталии и другие части тела, ощущением усиленной восприимчивости и специфическим неврологическим взаимодействиям между мозгом и остальными частями тела¹⁰⁶. Хотя мы и переживаем секс чисто физически, именно мозг интерпретирует и фильтрует эти переживания. Но то, как реагирует наше тело, во многом происходит автоматически. Как и дыхание, выделение и пищеварение являются непроизвольными механизмами, о которых мы часто не задумываемся, если только не возникает проблем, секс тоже представляет собой автоматическую реакцию. Физиологический и механический процесс сексуальной реакции идет по пути любой автоматической физической реакции. При первоначальном возбуждении человек обычно до какой-то степени осознает реакцию своего тела и может остановить или развить ее по своему желанию, хотя задействованная здесь физиология чисто автоматическая¹⁰⁷. Возможно, многие люди рассматривают нашу сексуальность как нечто животное именно потому, что это одна из тех телесных функций, которую мы контролируем чуть меньше, чем остальные. Подумайте о другом непроизвольном механизме – дыхании. Мы делаем вдох каждые несколько секунд, бодрствуем мы или спим, день за днем. В то же время мы можем сознательно контролировать дыхание, когда мы говорим, поем или кричим. Секс также является частично автоматической физиологической реакцией, которая включается и по сути развивается мозгом.

Ураган в голове

Никто с точностью не знает, какие участки человеческого мозга связаны с сексуальностью. Гораздо легче проследить маршрут сексуального стимула к мозгу и к физическому действию у существ с меньшим и не таким сложным мозгом, как у людей. Но даже в этом случае видно, что есть несколько участков мозга, отвечающих на сексуальные стимулы, и эти области не обязательно расположены рядом друг с другом¹⁰⁸. К тому же кажется, что разные области контролируют различные аспекты сексуальности. Например, когда в медиальной преоптической области – переднем отделе гипоталамуса мозга – самцов макаков резусов имеется повреждение, это снижает их способность к спариванию, но не способность к мастурбации¹⁰⁹. В единственном исследовании по изучению связи сексуального поведения самок приматов с работой мозга исследователи продемонстрировали, что повреждение в мозге самки мармозетки блокировало ее процептивное поведение, то есть ее сексуальную уверенность, но она осталась восприимчива к ухаживаниям самцов¹¹⁰. Также ученые выяснили, что в передней части мозга крыс есть область, которую называли медиальным переднемозговым пучком и которая является для крыс центром удовольствия. Если дать крысе выбор между едой и стимуляцией переднего мозга, она всегда выберет удовольствие¹¹¹. У людей участие тканей мозга в сексуальном возбуждении устроено более сложно. В этот процесс вовлечены части гипоталамуса – глубоко расположенного центрального участка мозга, важного для размножения и ритмов тела; кроме того, есть несколько горячих точек, расположенных в различных местах одной из крупных

¹⁰⁶ Bancroft 1983.

¹⁰⁷ Bancroft 1983.

¹⁰⁸ Bancroft 1983.

¹⁰⁹ Hart and Leedy 1985.

¹¹⁰ Kendrick and Dixon 1986.

¹¹¹ Whitters and Jones-Whitters 1980.

частей нашего мозга – мозжечке¹¹². Но никому не удалось точно указать центры сексуальности. На самом деле стимуляция некоторых частей неокортекса во время операций на мозге ни разу не вызвала у пациента чего-то, что можно было бы считать сексуальной реакцией¹¹³.

Сексуальность также можно зарегистрировать в наиболее примитивной части нашей нервной системы – стволе головного мозга и в спинном мозге. Например, нервы, контролирующие эрекцию, находятся в нижней части позвоночника, в сущности, напротив пениса. Джон Бэнкрофт описывает эту реакцию как когнитивный, или мыслительный, процесс, влияющий на лимбическую систему, которая, в свою очередь, задействует спинной мозг и провоцирует рефлекторную реакцию через нервные окончания в области гениталий и других систем организма¹¹⁴. Когда этот процесс запущен, мозг в конце концов осознаёт его, что является заключительным этапом цикла. В каком-то смысле половой акт является психосоматическим, поскольку включает в себя процесс познания или мышления и физический отклик организма.

Когда сексуальный стимул – чем бы он ни являлся – затрагивает нервные окончания, в мозг посылаются импульсы. Нейроны, реагирующие на сексуальные сигналы, возбуждаются и дают ответную реакцию, отправляя импульсы к различным частям тела. Это круговорот стимулов и импульсов, путешествующих от точки стимуляции к мозгу и далее к различным частям тела. Бэнкрофт сравнивает роль нервной системы в сексуальном возбуждении с электрической проводкой в доме¹¹⁵. Большинство приборов и ламп работает от общей проводки, имеющей множество выключателей. Но если требуется установить мощный кондиционер, электрик может подвести отдельный провод из электрического щитка к нему напрямую. Этот провод минует все препоны и включается только своим определенным рубильником. Сексуальное возбуждение – как дом с электропроводкой, в котором стимулы могут запустить ток через все части тела к мозгу, который их интерпретирует и реагирует на них. В результате повышается частота сердцебиения и учащается дыхание. Те же стимулы запускают моментальную и прямую реакцию в других частях тела, которые соединены с источником питания напрямую, как кондиционер, соединенный с отдельным рубильником. В примере с сексуальным возбуждением провода напрямую подведены к гениталиям. Когда начинается сексуальное возбуждение, пенис и влагалище одними из первых отвечают на стимулы. Частично эта реакция опосредована мозгом, но в большей части она идет по прямому физиологическому пути в обход воли. Как если бы кто-то вошел в дом и включил весь свет, поочередно щелкнув каждым выключателем, сделав так, что электрический ток потек по всем проводам, и в то же время владелец дома включил отдельный рубильник кондиционера. Кондиционер соединен проводом напрямую с источником электричества, поэтому ему не нужно ждать, чтобы ток пробежал по всему дому, прежде чем кондиционер заработает. Таким же образом влагалище и пенис отвечают на сексуальные стимулы даже до учащения пульса. С другой стороны, реакции влагалища и пениса и всего остального организма не настолько автоматические, что мозг не может в любой момент вмешаться и отключить всю систему. Другими словами, автоматическая сексуальная система не означает, что индивид не может ее контролировать, это значит лишь, что для того, чтобы включить рубильник сексуального возбуждения, не так уж много надо.

¹¹² Есть несколько хороших работ по нейропсихологии человеческого полового поведения, но в процессе чтения меня поразило, сколько же они не учитывают. Я считаю, что этот недостаток знаний является результатом нашего примитивного понимания того, как вообще работает мозг (Avers 1974; Bermant 1974; Whitters 1980).

¹¹³ Bancroft 1983.

¹¹⁴ Bancroft 1983.

¹¹⁵ Bancroft 1980.

Признаки возбуждения

Вероятно, самый очевидный признак сексуального возбуждения в нашей и других культурах – это эрегированный пенис. Женщины могут симулировать возбуждение, но мужчина при отсутствии эрекции явно не возбужден. Мы, являясь приматами с хорошим зрением, могли бы прийти к выводу, что только у мужчин есть мощная физиологическая реакция на сексуальные сигналы. Однако это не так. Мужские и женские гениталии реагируют на наличие подходящих сексуальных сигналов совершенно одинаково. Хотя женщины в западной культуре часто утверждают, что они не так озабочены сексом, как мужчины, данные экспериментов показывают, что женщины и мужчины на самом деле возбуждаются одинаково легко¹¹⁶. Подопытным мужчинам подсоединяли к пенису тензометрические датчики, измерявшие, насколько быстро и интенсивно он увеличивается. Женщинам вводили фотоплетизмограф – устройство, измеряющее температуру во влагалище и прилив крови к его тканям. Фотоплетизмограф представляет собой светоизлучающий диод, помещенный в корпус в виде тампона. При введении во влагалище он начинает излучать свет, уровень отраженного света соотносится с количеством крови в тканях стенок влагалища. Когда женщина возбуждена, прилившая к влагалищу кровь поглотит большинство света, но когда она расслаблена, большинство света будет отражено. Степень отражения, передающаяся на полиграф, измеряет пульсацию крови в стенках влагалища и прилив крови к тканям¹¹⁷. Испытуемым поочередно показывали эротические фильмы и неинтересные рекламные ролики, призванные не вызывать у них возбуждение. Между рекламными роликами они также решали несколько математических задач, чтобы очистить ум от сексуальных мыслей, прежде чем им снова покажут отрывок эротического фильма. Контрольной группе также показывали рекламные ролики, но фильмы, которые они смотрели, были о рукоделии – нейтральный стимул, чтобы удостовериться, что испытуемые возбуждаются не от того, что на них надели измерительные датчики, или от просмотра телевизора. Исследователи обнаружили, что первоначальная реакция на эротические фильмы, согласно физиологическим измерениям возбуждения гениталий, была одинакова для мужчин и женщин.

¹¹⁶ Rubinsky et al. 1987.

¹¹⁷ Greer et al. 1974.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.